

Калдовские Миры

ЛЮБОВЬ И МАГИЯ-2

Елена Малиновская
Милена Завойчинская • Александра Черчень
Наталья Жильцова

**Екатерина Флат
Роман Смеклоф
Светлана Ушакова
Елена Михайловна Малиновская
Пальмира Керлис
Милена В. Завойчинская
Елена Савченкова
Алина Лис
Наталья Сергеевна Жильцова
Ольга Сидоренко
Елена Бреус
Ольга Жакова
Виктор Смирнов
Александра Черчень
Мария Дубинина
Екатерина Рысь
Анна Геннадьевна Романова
Милослав Князев
Дмитрий Козлов
Сергей Грушко
Андрей Яблоков
Любовь и магия-2 (сборник)**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9307126
Любовь и Магия-2 : сборник фантастических рассказов: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78916-0*

Аннотация

Верите ли вы в магию? Верите ли вы в любовь? А может быть, они неразрывно связаны?

Авторы этой книги даже не сомневаются, что так оно и есть. Любовь дарит магические крылья, которые поднимают влюбленных к счастью, строит мосты между мирами, делает ожесточенные сердца добрыми, лечит израненные души и возвращает их к жизни. Разве это не волшебство?

Множество прекрасных и ужасных, романтических и странных историй случается в магической вселенной Любовь. И рассказывают об этом не только уже полюбившиеся читателям Елена Малиновская, Александра Черчень, Милена Завойчинская и Наталья Жильцова, но и победители литературного конкурса «Любовь и Магия-2» от портала «Фан-бук», работы которых могут поспорить по увлекательности с произведениями мастеров жанра фэнтези.

Содержание

Плясунья (Малиновская Елена)	5
Давай поженимся? (Милена Завойчинская)	14
Зимний Лорд (Александра Черчень)	30
Проклятая земля (Наталья Жильцова)	38
Королевская сваха (Екатерина Рысь)	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Любовь и Магия-2: сборник фантастических рассказов

Составление сборника *С. Грушко, А. Яблокова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

© Бреус Е., Дубинина М., Жакова О., Жильцова Н., Завойчинская М., Керлис П., Князев М., Козлов Д., Лис А., Малиновская Е., Романова А., Рысь Е., Савченкова Е., Сидоренко О., Смеклоф Р., Смирнов В., Ушакова С., Флат Е., Черчень А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Плясунья (Малиновская Елена)

– Осторожнее, Триша! – шамкает беззубый рот. – Осторожнее, не упади!

Не слышит девочка. Танцует босиком на ярко-алых, что твоя свежая кровь, раскаленных углях. Золотом вспыхивают на солнце монетки, которыми вышита ее длинная широкая юбка и просторная рубаха. Золотом горят ее распущенные волосы. А глаза – ярко-голубые, как весеннее небо.

Не остыло еще кострище. То и дело пробуждаются среди пепла крохотные оранжевые огоньки, изгибаются под ветром лепестки пламени, которые потом исходят струйками дыма. Но каждая такая жгучая искра – как иголка в сердце старой Лотты. И острой болью отзываются давно зажившие ожоги на ее огрубевших от возраста ступнях. Впрочем, разве могут такие раны зажить без следа?..

Красива Триша, очень красива. Совсем как ее мать, которая умерла сразу после рождения дочери от молочной лихорадки, погубившей столько женщин. Но успела передать дочери дар плясуньи. Дар, который издавна в бродячем племени ашар идет только по женской линии. Очень редкий дар, и от того особенно ценный.

Старуха Лотта с замиранием сердца следит за внучкой. Если та оступится, если сделает лишь один неверный шаг – то сгорит в мгновение ока. Богиня огня Астера не терпит небреженья в служении себе. Уничтожит она ту, которая ошиблась при танце.

А Триша не слышит бабу. Все ускоряет и ускоряет она темп. Вот закружилась, как волчок, вот почти упала на угли, и старая Лотта невольно зажмурилась, чтобы не видеть, как поднимется безжалостное пламя и заберет единственную отраду в ее жизни. Но девочку уже уносит дальше вихрь танца. И Лотта понимает: не услышит Триша ее предостережения, не заметит ее тревоги. В ушах Триши сейчас оглушительно гремит музыка огненной песни, неслышимой остальным. Перед глазами Триши сейчас застыло лицо просящего. Потому как все знают: плясунья из племени ашар может сделать невозможное. За монетку заберет она твое горе и скормит беду всепожирающему огню.

Застыла чуть поодаль от остывающего кострища женщина, уставилась на Тришу и даже не моргает. Молода, в темных волосах – ни ниточки седины. Но кажется, будто старше самой Лотты. Такое горе застыло в мертвых глазах просящей, что старуха то и дело вздрагивает. В жаркий летний день холодом веет от этой неестественно выпрямленной фигуры. Холодом смерти. Потому как пришла просить женщина о том, чтобы к ней в снах перестал являться младенец, которого она сама задушила в голодный год. Долго говорила женщина, перескакивая с одного на другое. Про мужа, который почернел и высох от тяжелой работы, про троих детей, мал мала меньше. И всех надо накормить, напоить. А огород, а скотина? И лето, как назло, выдалось жарким. Почти весь урожай пропал, сгорел от зноя на корню. Как, ну как ей было оставить ребенка? Тут бы старших уберечь от голодной смерти. Да он и не понял ничего. Только раз вскрикнул и замолчал. Но нет ей с тех пор покоя. Каждую ночь видит она ребенка. Каждую ночь слышит последний жалобный всхлип. Каждую ночь чудится, будто прижимает она к себе его маленькое тельце.

Старуха Лотта покачала головой. Гнала бы она эту женщину прочь. Гнала бы поганой метлой, чтобы дорогу забыла к ним в табор. Для нее не было зверя страшнее, чем мать, убившая собственного ребенка. Но Триша выслушала – и молча склонила голову. Забрала из рук женщины медный грошик, на который та наверняка работала не один месяц. И запыхавшись в поле жаркий костер, в котором Триша должна была сжечь чужое горе. Замолить своим танцем богов и уговорить их простить несчастную, обезумевшую от угрызений совести мать.

Эх, добра Триша. Плохое это качество для плясуньи. Очень плохое и опасное. Нельзя принимать каждого просящего. Надо уметь отказывать. Бывают наказания, в которые смерт-

ным лучше не вмешиваться. Боги жестоки, но справедливы. Да, иногда кара страшнее преступления, но такова воля небес. А Триша хочет сделать весь мир счастливым. Ох, накликает она на себя беду. Каждый танец – это прожитая за чужого жизнь. Если Триша не научится отдыхать, то сгорит раньше времени. Как ее мать. Да, умерла красавица Асая из-за молочной лихорадки, но старая Лотта была уверена: не прицепилась бы к ее дочери эта зараза, если бы та не брала на себя столько чужой беды. Но что уж теперь. Главное – сберечь Тришу. Последняя она плясунья в их таборе. Если не успеет до смерти передать дар, то и табору не жить. Рассеется он, исчезнет. Кто осядет в каком-нибудь селе, кто уйдет за красивой жизнью в город. А большинство – примкнет к более удачливым соплеменникам, которые сумели сберечь своих плясуней.

Близится к концу танец Триши. Даже отсюда видно, как устала девочка. Все медленнее и медленнее кружится она на углях, и словно тускнеют монетки на ее одежде. Старая Лотта знает: возьми любой грошик, и внучка расскажет, как и от кого, а самое главное – за что она его получила.

Наконец, замерла Триша. Уронила устало руки. Тяжело вздымается грудь, на лбу блестит обильная испарина, а глаза закрыты, подчеркнутые черными кругами изнеможения. И тотчас же встрепенулась просящая. Робко, еще не смея поверить, улыбнулась. Осторожно положила руку на свой живот, словно прикоснулась к хрустальной драгоценной вазе, и о чем-то глубоко задумалась. Лотта опять недовольно цыкнула сквозь зубы. Эх, пропащая! Простили ее все-таки боги, простили за убийство ребенка. А зря, ой как зря. Когда сама Лотта носила под сердцем Асаю – легко ли ей было? Часто ли она ела досыта? Война тогда гуляла по стране. Война шла по ее следам, войну встречала она в сожженных дотла поселках и деревнях. Некому было платить ей за танец. Да и страшно было показать свой дар плясуньи – сколько страждущих кинется тогда, умоляя забрать горе, успокоить сердце, даровать надежду. Ее бы не отпустили с кострища, пока она не сгорела бы заживо, отмаливая чужие грехи. Но и тогда она ни разу не подумала о том, чтобы убить еще не рожденное дитя. Хотя казалось бы – чего уж проще. Выпей особый отвар и избавься от бремени, которое выйдет на следующий день кровавым сгустком. Это даже нельзя назвать ребенком. И то она устояла перед искушением. Честно носила дочь девять месяцев, питаясь всем, что под руку попадется. Пекла лепешки из лебеды, обдавала кипятком корневища одуванчиков. А зимой не брезговала и мышами, со сноровкой и чутьем лисы вытаскивая их из-под снега.

Лотта покачала головой, отгоняя неприятные воспоминания. Торопливо улыбнулась, увидев, как к ней идет внучка. Девочка едва брела, с невероятным трудом переставляя ноги. И сердце старухи сжалось от боли, когда она увидела, какими жуткими волдырями покрылись нежные ступни ее внучки. Ох, нелегко ей пришлось! Непросто вымолить прощение за такое!

– Эх, Триша, Триша! – буркнула себе под нос Лотта.

И тут же кинулась к ней, заметив, что внучка пошатнулась. Успела подхватить легкое, почти невесомое тело, уберегая от падения на землю. Уложила девочку к себе на колени и принялась легонько поглаживать ее пылающий лоб, пропуская золотые пряди волос между пальцами, узловатыми, скрюченными от старости.

– Не ругайся, бабуля, – чуть слышно шепнула Триша, еще балансируя на зыбкой грани между реальностью и небытием. – Я не могла иначе. Ты не представляешь, какая чернота была в сердце той женщины.

Лотта лишь грустно усмехнулась. Добра ее внучка. Слишком добра. Как бы боги не надумали преподать ей жестокий урок, показывая, что далеко не всех надлежит жалеть. И тут же торопливо поплевала через оба плеча, отгоняя дурные мысли.

А все-таки прекрасной плясуньей выросла Триша! Прошло всего пару лет, а слава о девочке пошла по всей стране. Впрочем, о девочке ли?.. Трише уже пятнадцать. Год-другой –

и уберет она под красный платок замужества свои прекрасные длинные волосы. А там, глядишь, и вообще острижет их покороче, чтобы не мешались в хлопотах по хозяйству. Богиня огня Астера не требует для служения себе девственности. Но чем старше становится плясунья – тем реже она всходит на раскаленное кострище. Просить за других можно, лишь когда твое сердце не гложет никакая тревога. Каждый прожитый день увеличивает груз волнений на твоих плечах. Он становится почти невыносимым, когда рождаются собственные дети. И тогда каждый танец может стать последним. Так легко оступиться, испугавшись, что черное крыло чужой беды когда-нибудь накроет и твою семью!

Но все равно старая Лотта продолжала часто ворчать на любимую и единственную внучку. Та беспечно выполняла каждую просьбу, не задумываясь, что платит за них собственной жизнью. Девушка все чаще всходила на кострище с еще не зажившими волдырями. Опасно это, ох, опасно!

И вот очередной город. Очередная главная площадь, куда стягиваются любопытствующие. Лотта знала, что к вечеру она будет заполнена целиком. И их табор получит щедрые подношения, пустив неизменную шапку по кругу. Никто не смеет трогать монеты, подаренные плясунье! Даже в самый плохой и скупой год на них ничего не покупали. Каждый грошик, заработанный танцем, Триша бережно вшивала в свою одежду. Каждый грошик – как напоминание о поцелуях огня.

Но невесела сегодня Триша. Забилась в самую глубь крытой повозки, съежилась на свежем сене, словно пытается укрыться от чего-то. При виде этого сердце старой Лотты забилося вдвое чаще. Что это с ней? Что это с Тришей? Заболела? Обычно она радостным смехом встречала подготовку к очередному свиданию с Астерой, будто не понимала, что рискует остаться в объятиях пламени навсегда. А сейчас мутный страх плещется в ее глазах.

– Приказать, чтобы все отменили? – тихо спросила Лотта, присаживаясь рядом.

– Остальные расстроятся, – чуть слышно отозвалась Триша и сжала с бездумной злостью маленькие остренькие кулачки.

– Пусть! – Лотта пренебрежительно фыркнула. – Ты – плясунья! Ты – сердце табора, его душа! Твое слово – закон для любого! Умрешь ты – погибнет табор. Если чувствуешь дурное, то не танцуй сегодня.

Долго молчала Триша. Так долго, что Лотта решила, что ответа не последует. И встала, здраво рассудив, что и без того поняла решение внучки. Никакого костра сегодня. Плясунья устала. Пусть в табор полетят склизкие от гнили овощи, пусть на них выплеснут ведра с нечистотами. Им не привыкать.

– Нет, я взойду на кострище сегодня, – полетели в спину старой Лотты слова Триши. После чего она негромко вздохнула и добавила так тихо, что бабушка ее не услышала: – Не от огня придет сегодня зло. Увы, не от огня.

Ах, как танцевала сегодня Триша! Словно пришел последний день перед решающей битвой богов, после которой вся земля погрузится в вечный мрак. Как смеялась она, когда под нею вспыхивало пламя! Как кружилась, будто пыталась оторваться и взмыть в небеса. С каким восторгом принимала ее толпа, разражаясь приветственными криками после каждого удачного поворота! И наблюдая за этим, все мрачнела и мрачнела Лотта. Не чужую – свою беду пыталась заговорить ее внучка. Вот только боги не терпят такого. Накажут они ее за попытку обмануть.

Но не знала старуха, что из окон самой высокой башни графского замка, выходящих на городскую площадь, за ее внучкой следят и другие глаза. По-змеиному холодные, словно полные стылого льда.

Наконец, молодой граф отвернулся от окна. Прищелкнул пальцами – и тотчас же к нему подбежал стражник. Подобострастно склонился в поклоне и замер, ожидая приказаний.

– Хочу, – обронил граф. Кивком указал на далекую площадь, где в лепестках пламени танцевала худенькая девушка, – ее. Привести!

– Но!.. – вскинулся было стражник, омертвев от мысли, что граф собирается сделать.

И ладно бы с любой другой! Сколько раз он приводил графу молодых, полных сил женщин. И сколько раз они выползали из его покоев, оставляя за собой кровавый след. Но то женщины, крестьянки, которые получали достойную плату за жестокие забавы графа. Подумаешь – полежат недельку-другую да оклемаются. Чай, не в первый раз принимают в себя мужское семя. А тут – совсем ребенок еще! Тоненькая, златовласая, то ли девушка, то ли девочка. Граф ведь если не убьет, то навсегда искалечит ее.

Но граф вскинул на стражника взгляд – и тот осекся. Приподнял бровь, удивленный, что надо повторять приказ, – и стражник испуганно попятился. Затем развернулся и кинулся прочь, торопясь выполнить повеление хозяина.

– Привести! – полетел ему вслед гневный даже не крик – рык разъяренного чудовища. – Немедленно!

Завершила танец Триша. Устало спустилась с кострища, не слыша восторженного рева толпы. Перед глазами мерцала темная завеса смертельной усталости. Но хуже всего: она чувствовала, что вот-вот произойдет нечто страшное. Нет, не удалось ей умиловить богов. Не отказались они от намерения преподать ей какой-то урок. Но какой? И за что?

Лотта поспешила было к внучке, торопясь привычно принять ее в свои объятия, помочь добраться до повозки. Однако в следующее мгновение ее откинуло прочь. Группа хорошо вооруженных людей, одетых в красно-синие одежды графского герба, разрезала толпу, как горячий нож режет масло. И скрылась за их спинами Триша. Только успела жалобно и тоненько крикнуть, пока чья-то рука не закрыла ей рот.

Тихо стало на площади. Стражники исчезли, словно их и не было никогда. А горожане стояли, нерешительно переминаясь и не глядя друг на друга. Не было на этой площади человека, который бы не знал, куда и для чего потащили плясунью. Только пришедшие ашары толпились у своих жалких повозок, недоуменно переговариваясь.

– Куда?! – Лотта закричала так, как не кричала даже тогда, когда рожала Асаю. – Триша, куда? Девочка моя, верните мне ее!

– Вернут, – донеслось из толпы стыдливое. – Главное, чтобы после этого сама на себя руки не наложила. А то бывало здесь и такое.

Медленно пустела площадь. А Лотта все сидела прямо на грязной мостовой, в мучительной тревоге заломив руки. И даже ашары не смели ее потревожить.

– Ты... Это... – Остановился перед старухой один из горожан. – Не убивайся сильно. Он заплатит. Он всегда хорошо платит.

И тогда старая Лотта упала. Забилась головой и руками по камням, завывала, словно дикий зверь. Но только ее крик не мог достичь той комнаты, куда привели Тришу. Слишком толстые стены были у графского замка.

Тришу между тем окружила толпа служанок. Девушка пыталась сопротивляться, но что она могла поделать против десятерых дородных женщин, привычных к слезам и мольбам. Ее насильно раздели и выкупали в огромной ванне. Долго умащивали тело ароматнейшим маслом, привезенным из одной далекой восточной страны. Одна капля его – и затянулись свежие волдыри на ступнях, размягчились застарелые мозоли. Затем принесли белоснежное платье из легчайшего шелка. Триша невольно залюбовалась своим отражением в зеркале. Она выглядела сейчас, словно невеста. Золотистые волосы, перехваченные на лбу драгоценной диадемой, ниспадают свободной волной на плечи. Тонкую талию обхватил широкий красный кушак.

– Граф ждет вас, – проговорила одна из служанок. И внезапно Триша уловила в ее глазах влажный блеск жалости к ней. Мгновенно исчезла радость от нового наряда. Девушка помрачнела и сжала кулаки, решив бороться до последнего.

И она боролась. Боролась так отчаянно, что графу пришлось позвать слуг, которые держали ее всю эту безумно долгую ночь. На следующую ночь он обошелся собственными силами. И лишь на третью ночь граф полностью удовлетворил свои желания, пресытившись молодым телом.

Уходя прочь, он обронил возле девушки, лежащей в беспамятстве, кроваво-красный рубин величиной с ноготь. Граф привык считать себя щедрым мужчиной. Упрямица неплохо развлекла его. Она заслужила этот подарок.

Табор ашар терпеливо ждал возле главных ворот города. На площади им остаться не разрешили, но они не могли никуда уехать, не узнав прежде судьбу своей плясуньи. Шатры ставить не стали. Они готовы были в любой момент сорваться с места и никогда больше не приезжать в этот проклятый город. Пусть только вернут им Тришу! Вернут живой или мертвой!

На рассвете третьего дня Лотта, не сомкнувшая глаз все это время, вдруг увидела, как ворота открылись. Из них выехали те же люди, которые украли, утащили ее Тришу. Подъехали к их становищу – и бережно опустили на землю какой-то тюк. Тотчас же развернулись и бросились обратно, нещадно прищипывая лошадей. Словно опасались, что ашары могут кинуться в погоню. Чудно!

Около непонятного тюка уже сустились люди. Лотта поспешила в ту сторону, но ее ноги, ее распухшие от болезней и возраста ноги, уже не могли быстро бегать. И старуха вполголоса ругалась на себя, на свои года, на свою немощь.

Неожиданно громко вскрикнул чей-то женский голос. И вдруг наступила полная, всеобъемлющая тишина. Ашары испуганно замолчали, разглядывая что-то перед собой.

Лотта знала, что увидит, еще до того, как достигла своей цели. Теперь она не торопилась. Напротив, шла еле-еле, надеясь, что вот-вот она проснется. Очнется от затянувшегося кошмара, так пугающе похожего на правду.

Перед ней медленно расступались соплеменники. Вот, наконец, отошел в сторону последний, и она увидела в отблесках близкого костра нечто.

Глаза отказывались воспринимать это как целую картину, упорно выхватывая из багрового мрака лишь отдельные детали. Вот безжизненно упавшая рука. Вот по земле рассыпались такие знакомые золотистые пряди. Вот некогда белое платье, сейчас изорванное, изрезанное, а в районе бедер густо заляпанное непонятными бурыми пятнами.

Непонятными? Лотта почувствовала, как в сердце пробуждается слепой безрассудный гнев. Ее Триша, ее маленькая Триша лежала перед ней. Лежала без сознания, а возможно – уже мертвая. Тот зверь, который сидит в самой высокой башне замка, поглумился над ней, истерзал и выкинул прочь, как выкидывают надоевшую игрушку.

– Вот, – сказал кто-то рядом негромко, и в ладонь Лотты опустился кроваво-красный рубин. – Он был рядом с нею. Видимо, та самая плата.

Нет, Лотта не заплакала. Страшное горе словно выжгло ее глаза. Она опустилась на колени перед Тришей и с силой, которую никто не ожидал увидеть у старухи, подхватила ее на руки. Унести, унести прочь! От этих сочувствующих и любопытных взглядов, среди которых нет-нет да и промелькнет облегченный – не с моей дочкой и не со мной произошло такое! Спрятать в глубине повозки подальше ото всех. Отпить, отмолить, отбить добычу у смерти!

Неделю металась Триша в горячке бреда. Неделю в своих кошмарах она сражалась с графом, кричала, молила оставить ее в покое, отпустить прочь. Убеждала, что примет на себя любую беду графа, любой его грех, пусть только он не трогает ее. Неделю не отходила

от нее ни на шаг старая Лотта. Насильно влиwała через плотно сомкнутые зубы питательный мясной бульон и целебные отвары, останавливающие внутренние кровотечения, меняла под головой самодельные подушки, набитые спасительным хмелем, который, как известно, умеет забирать дурные сны. Вот только произошедшее с Тришей не было сном.

Сама Лотта почти не спала все это время. Лишь изредка проваливалась в глубокий черный колодец небытия, но и там сражалась с чудовищами за свою внучку. И самое главное чудовище имело вид высокого сутулого мужчины с прозрачными ледяными глазами.

На рассвете восьмого дня Триша открыла глаза. Повозка мерно покачивалась, катясь куда-то по разбитой дороге. Табор с момента ухода из города почти не делал привалов, словно опасался погони. Около внучки прикорнула старая Лотта, и Триша с внезапной грустью увидела, как сильно постарела ее бабушка за эти дни. Лицо осунулось, щеки ввалились. Ни дать ни взять череп, туго обтянутый кожей.

– Баба... – тихо прошелестела девушка. Потянулась было прикоснуться к ней, но рука замерла на полпути. Нескончаемой волной нахлынули воспоминания. Про липкие жадные ладони, обшаривающие ее тело. Про резкую боль, словно разрывающую ее изнутри. Про слуг, которые глазели на ее унижение с нескрываемым вождением. И ни капли сочувствия ни в ком.

– Бабушка... – всхлипнула Триша, свернувшись клубочком на свежем колючем сене и тихо заплакала: – Зачем, зачем ты спасла меня?

Встрепенулась старая Лотта, запела вполголоса колыбельную, пытаясь убаюкать девушку, но та уже плакала в полный голос, прижимая обе ладони к животу.

– Зачем ты спасла меня? – повторяла она. – Ведь ты спасла и *его*. Чудовище. Оно здесь, осталось во мне. Растет, пожирая меня изнутри.

Охнула Лотта, когда поняла, о чем говорит внучка. Потянулась погладить ее, но тут же одернула руку. И как она не заметила этого раньше? Она – бывшая плясунья с поистине звериным чутьем? Бьется под ладонями ее внучки новая жизнь. Совсем крошечная искорка, которую еще не поздно погасить. Такая хрупкая: дунь посильнее – и словно не было ее. Но ведь сама Лотта не забудет, что она была! И половина огня в этой искре принадлежит племени ашар! А вдруг родится девочка? Вдруг ей суждено стать плясуньей? Вряд ли Триша когда-нибудь еще взойдет на костер. Как просить богов о надежде для другого, когда сам погребен в бездне отчаяния?

«А вдруг родится мальчик? – насмешливо шепнул ей в ухо голос бога-искусителя Бальта. – И вдруг он будет похож на отца? Тогда каждый взгляд на него будет возвращать твою любимую внучку в самую высокую башню графского замка. Готова обречь ее на вечное напоминание о пережитой боли и унижении?»

– Помоги мне.

Старая Лотта вздрогнула. Смотрит на нее Триша, смотрит не мигая. Как та женщина, которая просила у ее внучки забвения в убийстве собственного ребенка.

– Пожалуйста, помоги.

Зажмурилась Лотта, закрыла руками уши. Лишь бы не слышать страшной просьбы, лишь бы не видеть слез в глазах Триши. Дать ей отвара? Но ведь ребенок не виноват в том, какой дорогой боги привели его в этот мир. И половина крови в нем все равно от ашар.

– Вырви это чудовище из моего чрева!

Повозка дернулась и остановилась. Послышались снаружи взволнованные голоса тех, кто услышал этот отчаянный крик.

– Возьми, возьми все у меня, – шепчет Триша, пытаясь поймать бабу за руку. – Все мои монеты, хоть душу мою заberi! Но помоги! Вытрави эту гадость, чтобы я навсегда забыла о том проклятом городе!

Промолчала старая Лотта. Наклонилась и поцеловала внучку в лоб. И мгновенно закатились у той глаза, уснула она. И вновь стонала и кричала во сне, сражаясь с молодым графом.

Вечером, когда табор остановился на недолгий отдых, старая Лотта приказала развести костер. Пополз среди ашар недоуменный шепоток – что это задумала старуха? Неужто ее внучка решила окончить свои страдания среди милосердного пламени? Но как тогда жить им?

Хмурились люди, но не смели перечить Лотте. Веление плясуньи закон для табора. Если Триша решила уйти из этого мира дорогой огня – то так тому и быть. Ашар на свете много. Они найдут более удачливый табор, к которому примкнут.

Но не Триша сегодня должна была танцевать на кострище. Она опять металась в горячке, в бреду умоляя свою бабушку помочь ей. Рядом сидела Лотта и тихо плакала. Почти негнувшиеся от старости пальцы перебирали монетки, вшитые в ее старую одежду. Интересно, налезет ли на нее юбка? За годы, прошедшие с ее последнего танца, старая Лотта раздобрела, раздалась в бедрах.

– Пожалуйста, – беспрестанно шептала Триша, едва шевеля растрескавшимися до кровавой корки губами.

И Лотта решилась. Задумчиво повертела между пальцев кроваво-красный рубин, провела чуть дрожащей ладонью по выбеленным возрастом волосам. Достойная плата за тяжелую работу.

Когда солнце почти скрылось за горизонтом, заливая мир алыми лучами, Лотта вышла к умирающему костру. Ахнули ее соплеменники, увидев старуху в наряде плясуньи, зашептались, не тронулась ли она умом от горя, да только ей уже было все равно. В руке она крепко, до белых от напряжения костяшек, сжимала свою плату за танец – подарок молодого графа.

Ни мгновения не сомневалась Лотта перед тем, как взойти на кострище, хотя понимала, что вряд ли ей суждено сойти с него. Улыбнулась – и словно помолодела сразу на пару десятков лет. Встряхнула победно распущенными седыми волосами – и пошла плясать босиком по раскаленным углям.

Кружится, кружится старуха в танце. Звенят монетки, собранные ею за долгую жизнь. И не замечают собравшиеся ашары, замороженные ее движениями, как разгорается пламя. И вдруг – полыхнуло, да так яростно, что стоящие первыми отпрянули, закрывая лица от жара. А из самой сердцевины огня мелодичным колокольчиком прозвучал смех сгорающей заживо Лотты. Потому как приняла Астера ее дар.

Никто не видел, что именно в этот момент разгладилось лицо Триши. Разжала она кулаки и спокойно, мерно задышала, одержав наконец-таки победу над самым главным своим чудовищем. А одна ладонь ласково легла на живот, оберегая растущую там искорку новой жизни.

Прошел месяц и второй. Да что там – целый год миновал. В положенный срок Триша родила сына. Похожего на нее как две капли воды. Такого же золотоволосого и голубоглазого. Но нет-нет да и вглядывались в него люди, силясь отыскать черты того, *другого*. Только сама Триша так никогда не делала. Потому как знала, о чем просила перед богами старая Лотта. И ведала, что придет день, когда ее сын убьет... нет, не отца, а чудовище из графского замка.

Быстро время течет. Глянь – мальчонке, нареченному Иларику, уже пять лет миновало. И четыре из них Триша провела на одном месте. Оставила табор, осела у доброй вдовы в далеком горном поселке, куда не добраться без провожатого из местных. О своем даре плясуньи она не вспоминала. Ни разу за это время не всходила она на остывающее кострище. Но свой наряд не выбрасывала, похоронив его под грудой старых вещей.

Вдова никогда не спрашивала, откуда и почему пришла к ее дому молодая красавица с годовалым ребенком на руках. Ждала, что та сама ей расскажет, когда окончательно исцелит

свои душевные раны. Но Трише было нечего ей поведать. Она словно забыла тот город, на главную площадь которого выходили высокие башни графского замка. Забыла она и о кочевой жизни. Научилась пасти скот на крохотных высокогорных лужайках, доить коз, делать терпкий ноздреватый домашний сыр. Нежные пальцы огрубели, долгими вечерами беспрестанно прядя тончайшую пряжу.

А по стране между тем катилась новая война. Однако отголоски ее почти не доходили до этих мест. Здешняя земля была добра к своим детям, давая вдосталь пропитания, а горы служили надежной преградой для любых захватчиков.

Но однажды ранним весенним деньком Триша вдруг воочию лицезрела перед собой свидетельство этой войны. Она как раз направлялась на дальнее пастбище, захватив с собой сына, как вдруг увидела чуть поодаль от тропинки взнузданную лошадь. Она устало щипала травку, и чуть слышно позвякивала ее сбруя.

Триша остановилась. Сердце кольнуло внезапной тревогой. Лошадь здесь, а где же всадник? И почти сразу раздался тихий жалобный стон.

Она могла бы пройти мимо. Точнее, она так и собиралась сделать, почти убедив себя в том, что происходящее ее не касается. Судя по изможденному виду лошади, той пришлось преодолеть большой и трудный путь. Что, если за ее хозяином отряжена погоня? Если она оставит незнакомца здесь, то преследователи быстро отыщут его и не сунутся дальше в горы.

Но стон раздался опять, и сын требовательно дернул ее за руку. В его голубых глазах застыл немой вопрос, и Триша устыдилась своих мыслей.

Триша быстро отыскала несчастного. Тот полусидел-полулежал, привалившись спиной к одинокому чахлому деревцу. Он дернулся, как от удара, когда его накрыла чужая тень. Потянулся к мечу, но ножны были пусты. Видимо, он выронил где-то оружие в горячке бегства. Усилие оказалось чрезмерным для него, и незнакомец потерял сознание.

Триша стояла, внимательно глядя на него, и задумчиво покусывала губу. Чужестранец – это видно сразу. Волосы такие черные, что отливают в синеву. Упрямая линия подбородка. Скулы остры, что кажется, будто о них можно порезаться. Одежда без лишних украшений, но из дорогой ткани и хорошего пошива. Явно, что подгоняли по фигуре.

Намерение уйти в этот момент стало невыносимым. Триша не любила таких людей – с властью и деньгами. И считала, что имеет полное право на это. Но сын вновь дернул ее за руку и покачал головой. Прослыть чудовищем в его глазах она не могла. Потому тяжело вздохнула и сделала шаг вперед.

Триша не стала тревожить сердобольную вдову своей неожиданной находкой. Она прекрасно понимала, что если ее поступок откроется, то она рискует навлечь беду на весь поселок. А местные жители были добры и к ней, и к сыну. Поэтому она оттащила мужчину в одну из укромных пещер, о которой никто не знал. Здесь Триша порой укрывала скот от непогоды, поэтому держала запас дров, немного сухарей на случай затянувшегося ненастья.

Она натаскала воды и развела огонь. Маленьким ножичком осторожно разрежала засохший от крови правый рукав рубахи и довольно качнула головой. Рана глубокая, но неопасная. Кровоточит еще, но с этим она справится.

Вечером Триша ушла, чтобы не возбуждать подозрений у жителей поселка, но на рассвете следующего дня пришла опять. В ее котомке на этот раз был свежий хлеб, сыр и несколько толстых ломтей вяленого мяса.

Незнакомец жадно наблюдал за тем, как она достает снесь из мешка. Но ничего не трогал, пока Триша не кивнула ему, разрешая. Было видно, что ему хочется накинуться с жадностью на еду, однако он нашел в себе силы есть медленно и с достоинством.

Наконец, насытившись, он откинулся на лежанку. Посмотрел на Иларику, играющего в камушки неподалеку. Вздернул бровь и перевел взгляд на свою спасительницу.

– Сын, – коротко обронила она. Помолчала немного и, наученная горьким опытом, добавила с нажимом, предупреждая дальнейшие расспросы: – Мой сын. Только мой!

Незнакомец горько усмехнулся. Сдернул с груди серебряный медальон, раскрыл и протянул его. На Тришу из него посмотрели двое: высокая темноволосая женщина и совсем маленькая девочка.

– Жена и дочь, – проговорил он. Помолчал немного и добавил, странно кривя губы: – Мертвы.

Триша отвела глаза. Горе, прозвучавшее в голосе мужчины, было ей слишком хорошо знакомо.

– Зачем ты спасла меня? – совсем тихо спросил он. – Зачем? Лучше бы я погиб. Как мне жить, когда я видел, что с ними сделали?..

Триша чуть слышно хмыкнула. Переплела перед собой пальцы, сомневаясь мгновение, но затем твердо взглянула в темно-карие, почти черные глаза незнакомца.

– У тебя есть монетка? – спросила она. – Я спляшу для тебя.

Триша танцевала сегодня для мужчины, имени которого не знала. Танцевала впервые за много лет. И улыбалась, видя, как расслабляется упрямая линия его губ, а из глаз пропадает жестокий стальной блеск невыплаканных слез. Танцевала – и не замечала, как тускнеют ее воспоминания о графском замке, истончаясь и превращаясь в ничто.

И старая Лотта рассмеялась, наблюдая за своей внучкой из мира теней. Она знала: осталось совсем немного времени до того момента, как Триша накинёт на свои волосы красный платок замужества. Незнакомец, сидящий сейчас напротив Триши, увезет ее в другую страну, научит не бояться мужских прикосновений, покажет, что это несет не только боль, но и наслаждение. А там, глядишь, в мир придет новая плясунья. И будет танцевать на раскаленных углях так, как будто в мире нет больше горя.

Давай поженимся? (Милена Завойчинская)

– Давай поженимся?

Проследовала длинная пауза, а затем прозвучал совершенно неожиданный ответ:

– Извини, но нет.

– Но почему?!

Кто-то, наверное, удивится, почему ответ был неожиданным. Казалось бы, такое случается со многими. Ну не хочет любимый человек ставить в паспорт штампик, жизнь, она такая... Но это неправильно! Такое могло и может случиться с кем угодно, но только не со мной. Ведь лучше меня ему никто не подойдет, и вообще – мы же идеальная пара! Как так – нет?!

Вот именно поэтому я сейчас смотрела на Макса и чувствовала, что у меня начинает дрожать нижняя губа. Почему нет-то?!

– Макс, почему?

– Не хочу. – Парень, сидящий напротив меня за столиком в кафе, виновато отвел взгляд.

– Что значит – «не хочу»? – Я опешила. – Мы ведь все равно живем вместе уже два года, так какая разница? Всего-то оформим наши отношения юридически.

– Алис, ну пойми же... – Он тяжело вздохнул.

– *Что* я должна понять?

Так, не нервничаем, держим себя в руках и не скандалим. Я ведь умница, красавица и вообще замечательная девушка. А Макс – шутит. Наверняка шутит. Вот сейчас он рассмеется и скажет, что это розыгрыш и, конечно же, он мечтает жениться на мне.

– Я просто не хочу торопиться, – наконец, ответил он. – Куда нам спешить? Ты совершенно права. Мы и так живем вместе, так зачем что-то менять? Я ведь и так терплю все и не ругаюсь...

– А что это ты терпишь? – Я нахмурилась. Он о чем вообще? Что значит – терпит?

– Алис, не начинай. Все терплю. И даже привык уже есть из пластиковой и металлической посуды. И не возмущаюсь, если снова что-то пересолено или подгорело.

– Вот ты опять?! – возмутилась я. – Ну я же не виновата, что посуда все время бьется! Они такие скользкие, эти чашки и тарелки, так и норовят вырваться из рук. А еда? Нашел чем попрекнуть девушку! Ну не дается мне кулинария, и что теперь? Убить меня за это? В конце концов, пельмени и замороженные котлеты тоже вкусные. – Я помолчала немного и честно признала: – И намного вкуснее, чем получается у меня.

– Алис, я же не спорю. Ем пельмени и другие полуфабрикаты и не возмущаюсь. Заметь, я не стал скандалить с тобой даже сегодня.

– Ой, Макс! Ну подумаешь, футболки полиняли! Мы новые купим, еще лучше.

– Да-да, Алис. Обязательно купим, – кивнул Макс и отпил кофе. – Все равно теперь выбора нет. Зря ты, конечно, засунула стираться одновременно свой красный блейзер и мои белые футболки, но что уж теперь.

Я насупилась. Да, стирка сегодня как-то не задалась. Но я же не специально! Он-то мог бы понять!

Некоторое время мы молчали. Макс пил кофе, я мрачно ковыряла тирамису.

Как-то не так все пошло. Я-то думала, что это будет весело. Я – предложу пожениться, хотя обычно это делают мужчины. Но ведь мы уже столько времени вместе и любим друг друга. Так какая разница, кто первый произнесет это вслух? А Макс – улыбнется и согласится. Купит цветы, и мы вместе сходим в ювелирный магазин, чтобы выбрать мне кольцо. Я даже присмотрела уже *то самое* колечко, которое и мне нравится, и Макс может позволить себе купить. А-а, как же я забыла?! Кольцо!

Вот сейчас все изменится!

– Макс, а у меня даже кольцо есть, – улыбнулась я.

– Какое кольцо?! – Парень аж поперхнулся кофе.

– Ну... в подарок. Для тебя, – пояснила я, как только он перестал натужно кашлять и сморгнул выступившие слезы. – Ты ведь должен подарить мне кольцо как символ любви, ну и... предстоящей свадьбы. А я тебе взамен – тоже. Оно красивое и дорогое, ты не думай!

– Алиса-а-а... – простонал Макс.

– Ну, а что? Я подумала, что тебе же будет обидно, если ты мне кольцо подаришь, а я тебе взамен – нет.

– Алиса, не надо никакого кольца! – твердо ответил он и решительно отодвинул от себя так и не допитый кофе. – И вообще! Я ведь уже сказал, что не хочу жениться на тебе.

– На мне?! – уловила я самое важное. – То есть ты не вообще не хочешь жениться, а именно на мне?!

В ответ мне достался тяжелый вздох и многозначительное молчание.

– Та-а-ак! – чайная ложечка обрушилась на ни в чем не повинное тирамису и проложила в нем ущелье. – А я-то дура! Думала, что ты любишь меня. А ты...

– Алиса-а...

– Я уже двадцать два года Алиса! – огрызнулась я. – Раз так, то нечего нам продолжать жить вместе. Ищи себе другую кухарку, прачку и посудомойку. А я... Я подарю кольцо, которое выбирала для тебя, первому встречному. Вот! Пусть хоть он порадует! Свои вещи я сегодня же заберу. Возвращаюсь жить к родителям! – и решительно встала из-за стола.

– Алис, прекрати. Никто тебя никуда не гонит. Давай оставим все как есть? Нам ведь неплохо вместе.

– О да! Неплохо! Только я хочу, чтобы было хорошо!

Решительно развернулась на каблуках, да так, что юбка взметнулась, и направилась к выходу из кафе. Нет, ну это надо так влипнуть?! Вот же я дура!

В тот же день я вывезла все свои вещи к родителям и проплакала до самого вечера. Я ведь думала, что Макс тоже меня любит, а он! А он!!! Кольцо я точно подарю первому встречному.

Высморкавшись, достала из большой картонной коробки с вещами, которые привезла из квартиры Макса, бархатную коробочку и открыла ее. Моя преле-ес-с-сть! Такое красивое кольцо, а он! А кольцо-то золотое, с тонкой черной вязью на неизвестном мне языке. Антикварное, между прочим! Я не стала бы покупать какую-то дешевку. Ведь оно должно было служить верой и правдой много лет, а потом Макс показывал бы его нашим внукам и рассказывал веселую историю о том, как когда-то, много лет назад...

Это мужское кольцо я случайно увидела в маленьком антикварном салоне, затерявшемся в самом конце какого-то переулочка в центре старой Москвы. Есть там такие тупики и переулочки, в которых можно заблудиться даже с навигатором. Вот и этот магазинчик попался мне тогда, когда я пыталась найти выход из этого лабиринта.

Ы-ы-ы... На глазах снова выступили слезы.

А я все деньги за это кольцо отдала! Даже те, которые отложила на босоножки. Собственно, в обувной магазин я тогда и ехала, только проехала свою остановку, вышла не там, да и заблудилась.

Вынула кольцо из коробочки и еще раз посмотрела на него. Такое красивое! Нет, совсем первому встречному такое замечательное украшение отдавать – жаба давит. Я его отдам... Отдам... Вот! Я его подарю первому встречному парню, блондину с голубыми глазами, не слишком высокого роста. Да, так будет правильно. Раз Макс высокий, с каштановыми волосами и серыми глазами, то кольцо достанется его полной противоположности. Решено!

Потекла другая жизнь, отдельная от Макса. И знать я не хотела, что там у него и как.

И все бы ничего, но встреча с первым встречным, которому было решено отдать кольцо, затягивалась. Колечко я теперь всегда носила с собой. Ведь я же кремьень! Надумала отдать первому встречному и отдам! Я такая! Уж если что решила, то обязательно так и сделаю.

Только вот беда! То блондины попадались не с голубыми глазами, а с серыми или зелеными, то глаза и волосы у них были нужных цветов, но рост высоченным. А мне-то нужен был – невысокий! То парень был голубоглазым и роста подходящего, как я и задумала, но волосы оказывались недостаточно светлыми. Пару раз встретились идеально подходящие кандидатуры, но оба персонажа были глубоко женаты и шли под руку с женами. И что-то мне подсказывало, что супруги оных мой порыв не одобряют. А потому я вздыхала и проходила мимо этих «первых встречных». Хотя нет, вру. Встречала я еще несколько раз подходящих парней. Но мне категорически не понравились их лица. Недостаточно симпатичными ребята были, если уж честно. А я ведь не абы что хотела отдать в безвозмездный дар, а очень красивое и дорогое золотое кольцо. Саурон удавился бы от зависти! Так пусть оно достанется привлекательному первому встречному!

Прошло три месяца.

В какой-то момент я отчаялась и решила изменить планы. Но все же это было невероятно странно. Ну как так? В самом большом городе России, в столице, в огромном мегаполисе, где живут представители всех республик бывшего Советского Союза и множество иностранцев со всего мира (даже из Скандинавских стран), не встретить невысокого голубоглазого блондина приятной наружности? Ведь это самый распространенный славянский типаж. Может, я где-то не там хожу? Не по тем улицам?

После раздумий было решено сменить типаж одариваемого. Он будет высоким, с широкими плечами, накачанными бицепсами, рыжими волосами и зелеными глазами. Насчет бицепсов – это тоже, чтобы отличался от Макса. Мой бывший хоть и высокий, но спорт не жаловал, а потому похвастаться мускулатурой не мог.

С подходящими под описание рыжими все оказалось еще печальнее. Прямо беда какая-то. Рыжие зеленоглазые, ау! Ау-у! Вы где? У меня для вас колечко! Вас ищет Властелинница кольца! Хочу подарить мою прелес-с-сть!

Миновало еще два месяца.

Нужный рыжик не находился, а мой пыл поумерился, и я не была уже так решительно и злобно настроена. Поразмыслив, решила сделать последнюю попытку. Итак! Кольцо получит высокий брюнет с хорошей фигурой, синими глазами и обаятельной улыбкой. И не надо мне рассказывать, что это еще большая редкость, чем рыжие и зеленоглазые. Все случается, и такие мужчины тоже существуют. Я видела. Правда, не парня, а мужчину средних лет. Но ведь он тоже был когда-то молодым, а значит, есть и другие такие же.

Время шло, а «первый встречный» синеглазый брюнет с хорошей фигурой все не встречался. Я почти забыла про свой гневный порыв отдать в дар «свою прелесть» неизвестному парню, но по привычке продолжала носить кольцо с собой. Без исключений: выходя из дома, коробочку с кольцом всегда убирала либо в карман, либо в сумочку. А то ведь проворно нужного молодца.

Жизнь продолжалась, текло время, и подкралась зима со всеми ее праздниками и забавами.

А какое любимое время зимой у незамужних девушек? Правильно! Рождественская неделя. Ну как же? А погадать на суженого? Это ведь святое! Что мы с подружкой и делали самозабвенно и от души. Новогодние и рождественские праздники мы проводили у нее на

даче, что сильно облегчало жизнь в угадывании будущего. По крайней мере, не приходилось объяснять родителям, что мы нормальные. Нормальные! Просто любознательные!

Мы перепробовали уже все способы гадания, о которых вычитали в Интернете. У Танюшки ничего путного не выгадывалось, что не мешало ей продолжать развлекаться со мной за компанию. У меня же во время гадания от сожженной бумаги на стене отразилась тень страшной горбатой фигуры, а воск в тарелке застыл в виде какого-то динозавра, что несколько поумерило мой пыл, но не отвратило от интересного занятия. Наконец, неиспробованными остались только гадания на перекрестке.

Зима, правда, выдалась очень уж холодная. Идти в ночи на перекресток за пределами дачного поселка ужасно не хотелось, но... А ладно, полнолуние, небо чистое, видно все хорошо. Даже фонарик брать не нужно.

И потом, мы не ищем легких путей! Мы же русские! А русские не сдаются даже в лютый мороз. Между прочим, у нас, в России, до сих пор где-то по улицам медведи ходят. Точно-точно, я сама читала на каком-то англоязычном форуме. Одна молоденькая американка из небольшого городка в Техасе с ужасом спрашивала меня, мол: «Элис, а это правда, что у вас по городам медведи зимой ходят?» Я ответила, что не только медведи. Еще пьяные мужики с медведями в обнимку, а иногда им компанию составляют зеленые черти. Американка тогда надолго затихла и больше недели мне не писала. Наверное, размышляла о загадочных русских. Впрочем, я отвлеклась.

Итак, всё было готово, чтобы идти гадать на перекресток. За неимением лишних пар сапог взяли с собой по туфельке. Главное ведь в обуви – что? Чтобы она была твоя личная, имела мысок, пятку и каблук. В туфельках все это имелось. Кроме того, обернули в плед, чтобы не разбить по дороге, и положили в авоську зеркало среднего размера.

И вот, хряпнув для смелости и для сугрева по рюмочке горячительного, мы пошли на дело!

Первым гаданием было упасть в снег навзничь, а потом аккуратно встать, чтобы утром посмотреть на отпечаток. Почему мы решили это сделать на перекрестке, а не во дворе – не спрашивайте. Но учтите, нужно меньше пить, тогда не найдете себе лишних проблем.

Первой шлепнулась на снег Танюшка. Я помогла ей подняться, чтобы не разрушить отпечаток, и пришла моя очередь. Упала, полежала, таращась в ночное небо и на кружащиеся снежинки, и с помощью Татьяны поднялась. Удалось мне, правда, это не с первой попытки, но главное, что встать я таки смогла. Только вот отпечаток мой в снегу несколько смазался – в районе плеч получилась яма, словно я с рюкзаком на спине падала. Ну да ладно.

Дальше по плану было кидание башмачка, осмотр местности через зеркало – нужно ведь попытаться увидеть, кто там идет по дороге. Вдруг суженый? Ну и спросить у прохожего его имя. Откуда на ночном проселочном перекрестке прохожий? Не спрашивайте, но я напомним – пить нужно меньше!

Первой башмачок кидала Таня, потом, повернувшись к перекрестку спиной, она долго стояла и смотрела в зеркало, пытаясь увидеть – не идет ли там ее суженый? Никто к ней не пришел, только руки окоченели, пока зеркало держала. Забрала она свою туфельку и уступила место мне.

Я решила действовать в другой последовательности. Сначала стояла и смотрела в зеркало. Потом, не поворачиваясь, швырнула себе за спину туфельку и проследила в зеркальном отражении, как она летит.

А затем одновременно прозвучало три вопля. Танюшкин, мой и гневный мужской. Потому что именно в тот момент, когда моя туфелька должна была приземлиться, неизвестно откуда на ее пути возникла высокая мужская фигура и получила каблуком промеж глаз.

– Алиска, ты его убила! – завопила Таня, развернулась и бросилась бежать к дачному поселку.

А я... Нет, я не герой. Но, во-первых, туфлю жалко. Во-вторых, зеркало тяжелое, а бросать его тоже жалко. И, в-третьих, вдруг не убила, а только оглушила? Что же мне потом до конца жизни мучиться, гадая, убийца я или нет? Аккуратно положив зеркало на снег, я на подгибающихся от страха ногах подошла к неподвижно лежащей на снегу фигуре.

– Эй! Мужик! – шепотом позвала я жертву моего броска. – Ты живой?

– Живой! Что это вообще такое было? – рука мужчины поднялась и провела по лицу.

– Туфля.

– Что? Какая еще туфля? – Мужчина сел и уставился на меня, а я на него.

Оказался он молодым, смуглым, с ярко-голубыми, почти синими, глазами. Волосы длинные, черные, собраны в высокий хвост на макушке, а в том месте, где их стягивала резинка, – воткнуты две серебристые спицы. Точно как в кино про азиатских воинов, правда, там с такими спицами китайцы и корейцы щеголяли, а у этого типа черты лица европейские. Несколько длинноватый прямой нос, глаза большие, скулы высокие. Точно не азиат. Ну... если только араб?

Ух ты ж! Так это же мой *тот самый* «первый встречный». Ура! Все, мужик, ты попал! Сейчас я тебе подарю подарок, никуда ты теперь от меня не денешься. Одарю, одарю, не помилую!

Осторожно, чтобы не спугнуть столь редкое явление, как подходящий первый встречный, я засунула руку в карман и на ощупь выколупала колечко из коробки. Осталась самая малость: подобраться к жертве поближе и окольцевать.

– Это мы так играли с подругой. Туфельки кидали, – заговаривая парню зубы, я начала подкрадываться поближе.

– Играли? – Он снова потер лицо, в том месте, куда попала моя обувь.

Разговаривал он, кстати, необычно. С каким-то тягучим акцентом, и слова выговаривал слишком правильно и старательно, словно они ему не родные. Иностранец? Похоже на то. Да и одет странно: черные обтягивающие брюки, кожаная куртка, а сверху длинный плащ, как в фильмах про старину – длинный такой, с капюшоном. И парень-то, похоже, инвалид. На спине у него под плащом явно угадывался большой горб.

Тут я вспомнила про следующее гадание – спросить у прохожего на перекрестке его имя, дабы узнать, как будут звать моего суженого.

– А тебя как звать? – задала ему вопрос.

– А зачем меня звать? – удивился он.

– Да нет же. Имя у тебя какое? – Ну точно – иностранец. Простых вопросов не понимает.

– Элим, – после паузы ответил он. – А твое?

– У-у-у, – пригорюнилась я. – В смысле, Алиса, – и старательно растянула губы в улыбке.

Хотя, откровенно говоря, радоваться было нечему. Мало того, что чуть не убила человека, так еще и зовут его так, что вовек мне не сыскать в Москве парня, у которого может оказаться такое же редкое имя – Элим.

Пострадавший явно не понял реакции на свое имя, но промолчал, разглядывая меня.

– Какого цвета у тебя волосы? – задал он неожиданный вопрос.

– Эм-м... Русые, а что?

– А русые – это какие? Покажи!

Я, конечно, просьбе удивилась, но что взять с иностранца? Дикие они! Молча стянула с головы шапку, и волосы рассыпались по дубленке.

– О! Это светлые. Хорошо! – неизвестно чему обрадовался Элим и вгляделся в мое лицо. – Глаза серые, да?

– Ну да, – похлопала я ресницами и натянула шапку обратно на голову. Холодно, однако.

– Муж есть?

– Нет.

– Жених есть?

– Нет, – уже с опаской ответила я, но отодвигаться не спешила. Мне ведь еще окольцевать его нужно.

– Тогда у меня для тебя подарок! – возликовал этот ненормальный. – Иди сюда и дай мне руку.

Я немного потопталась на месте, размышляя, а нужен ли мне его подарок, но с другой стороны – это хорошая возможность всучить ему свой дар.

Пока на ходу размышляла, Элим поднялся и протянул мне руку. Эх, точно горбатый. Как жалко! Такой красивый мальчик и инвалид. Я вздохнула. Как несправедлива жизнь! Тяжело ему, наверное. Впрочем, двигался он легко, и не похоже, что болезнь причиняет ему неудобства.

Подошла и не успела опомниться, как парень вцепился в мою руку и быстро надел на палец... Ой-йо-о-о! Колечко!

– Вот! – радостно улыбнулся Элим. – Ничего личного, ты не думай. Я всего лишь поклялся, что надену его на палец первой встречной светловолосой и сероглазой девушке.

Ах так?!

– А у меня для тебя тоже подарок! – лучезарно улыбнулась и, пока он не успел удрать, молниеносно надела ему ответный дар.

Элим оторопело уставился на мою «прелесть», присмотрелся, а потом завопил:

– Ты что? Ты зачем? Ты где его взяла?

– Где взяла, там больше нет. И тоже – ничего личного! – не удержавшись, показала ему язык. – Я, может, тоже поклялась подарить его первому встречному парню с черными волосами и синими глазами.

– О, Великий Отриан! За что?! – патетически выкрикнул он и поднял глаза к небу. – Я ведь даже в другой мир специально ушел, чтобы отдать кольцо! За что ты так со мной?!

Ой, батюшки! Да он же психический! Поняв, что мне не повезло и я нарвалась на ненормального, начала пятиться, готовясь задать стрекача.

– А ну стой, ненормальная! – сильная рука схватила меня за рукав дубленки и подтащила поближе.

– От ненормального слышу! – огрызнулась я и попыталась вырваться. Ага, счас! Вцепился как клещ.

– Ты где взяла кольцо?

– В магазине купила! – Я возмущенно уставилась ему в глаза.

– Хырч! Все еще хуже, чем я думал... – отпустив мою дубленку, Элим попытался кольцо снять. Безуспешно.

Посмотрела я на его потуги, пожала плечами и надела варежки. Холодно, пальцы мерзнут. От своего кольца я наконец-то избавилась, клятву выполнила, и все. А то уж начала думать, что миссия невыполнима – найти подходящего первого встречного и одарить его своим счастьем. Но нет, избавилась-таки. А что он мне там всучил, в доме посмотрю при электрическом свете.

– Ну, так я пошла? Бывай!

– Куда это ты пошла?

– Домой. Замерзла я уже, – отвернулась от него, подошла к лежащему на снегу зеркалу, подняла и стала заворачивать его в ткань.

– Вот же хырч! – прошептал за моей спиной Элим. Как подкрался-то? Скрипа снега я не услышала. – У тебя с собой было зеркало?!

– Ну да. Говорю же, на суженого гадала. В зеркало смотрела, башмачок кидала, имя спросила.

Элим страдальчески застонал, словно у него внезапно что-то заболело.

– Ну, здравствуй, *невеста*! – последнее слово он произнес с таким нажимом, что даже зубы скрипнули.

– Сам дурак! – обиделась я, запихала зеркало в авоську и пошла в сторону дачного поселка.

– Стой, говорю! Идем! Что уж теперь, видно правду в народе говорят: от судьбы не уйдешь. – Он протяжно вздохнул, догнал меня и снова вцепился в мою руку.

– Никуда я с тобой не пойду! Кыш, противный!

– Идем, Алиса. Быстрее! Мое время истекает, портал сейчас закроется! – И этот псих потащил меня обратно, к центру перекрестка.

– А-а-а-а!!! – завопила я во все легкие.

Элим от неожиданности шарахнулся и выпустил меня, чем я и воспользовалась – бросилась бежать. Впрочем, далеко не убежала. Догнал меня этот маньяк через четыре шага, схватил в охапку, наклонился и поцеловал. Точнее, попытался поцеловать, потому что я поскользнулась и упала навзничь, а он грохнулся на меня сверху.

– А-а-а! Помогите, спасите! Убивают, насилуют, грабят! Пожа-а-а-ар!!! – заорала я, переходя в ультразвук.

– Ты чего орешь, малахольная?! – рявкнул Элим, пытаюсь перекрычать меня, что ему, впрочем, плохо удавалось.

– А-а-а! Убивцы напали, убиваю-у-у-ут! – надрывалась я.

– Вот же ненормальная! Хватит орать!

– А ты слезь и руками не трогай! – спокойно сказала я ему, поняв, что кричать бесполезно.

– Ты всегда такая? – тихо спросил меня Элим, но освободил от своего веса и даже помог подняться.

– Нет! Только когда на меня всякие психи кидаются и тащат не пойми куда, – сообщила я и принялась отряхивать с дубленки снег.

– Да в портал же, – терпеливо повторил он. – Говорю ведь, сейчас закроется.

Только он произнес эти слова, как за моей спиной что-то тихонько и мелодично тренькнуло, а на лице Элима появилось беспокойство. Я быстро оглянулась и увидела, как в центре перекрестка медленно тает прозрачное облачко. Даже не облачко, а марь, какая бывает в жару над раскаленным песком или асфальтом. И как я его раньше не заметила?

– Скорее!

– Иди в озеро! – от души послала я его. – Никуда я с тобой не пойду.

– Алиса, да пойми же... – начал говорить Элим, но тут откуда-то из этой мари донесся встревоженный мужской голос:

– Элим, скорее! Я не могу его больше удерживать!

– Хырч! – выругался мой маньяк и попытался утащить меня за собой.

Я не далась: пнула его и отбежала подальше.

Перестав меня ждать и оставив попытки утащить с собой, Элим подбежал к этому мареву и засунул в него одну ногу. А я рот раскрыла от удивления. Потому что нога в мареве растворилась. Вот только что была – и нету. Сам Элим есть, а ноги его – нет.

– Алиса, через месяц, в следующее полнолуние жду тебя здесь же. На этом месте в это же время! И зеркало с собой возьми! Поняла?! – нервно сказал он уже из портала.

– А зачем? – заторможенно спросила я, продолжая таращиться, как вслед за ногой исчезла половина тела парня и одна рука.

– Да затем, идиотка малахольная, что ты где-то умудрилась найти второе кольцо единения и надела его мне на палец! – зло рыкнул он мне в ответ. – Невеста ты теперь моя, а я – твой жених. Чтоб тебя! Жду в следующее полнолуние!

Элим полностью исчез в этом мареве – портале?! – а я со стуком захлопнула рот.

Мать моя ж-женщина!

Ругаясь всю дорогу на чем свет стоит, я дошла до дачного домика подруги и заколошматила в дверь:

– Открывай, сова. Медведь пришел!

– Алиска! – растрепанная и зареванная подруга отворила дверь и бросилась мне на шею. – А я полицию вызвала! Но они сказали, что долго ехать будут. А я та-а-к испугалась! – Она заревела.

Потом мы отпивались горячим глинтвейном. У Танюшки, наконец, высохли слезы, и она перестала шмыгать носом, только охала и ахала от моего рассказа. А я потихоньку отогревалась, отходила от шока и хмелела от глинтвейна, слово за словом восстанавливая события произошедшего.

Таковыми нас и застала полиция. Пришлось рассказать несколько иную версию происшествия. Усталый полицейский записал, что на меня напал пьяный, но претензий у меня нет – праздники же, – да и не смогу я его опознать, и на этом нас покинул.

– Ну! А дальше? – как только за капитаном закрылась дверь, накинулась на меня подруга.

– А дальше – вот! – Я показала ей палец.

– Ну а дразниться-то зачем, – обиделась она.

– Да кольцо он мне дал...

И мы вместе уставились на мою добычу.

– Вот же хырч! – вырвалось у меня. Только сейчас я рассмотрела, *что* получила в дар.

– Что-то я не поняла, – озадачилась Таня. – Это же точно такое кольцо, как то, которое ты, как дура, все эти месяцы таскала с собой.

– Я и говорю – хырч! Ругательство какое-то, что означает – не знаю, – пояснила на ее удивленный взгляд. – А кольцо такое же, да не такое. То было из старинного червонного золота и матовое, а это – видишь – желтое и блестящее. Ну и размер у этого маленький. То мне было велико даже на большой палец, а это на безымянный село. Хотя черная надпись такая же.

– Вау! – выдохнула подруга. – За это надо выпить!

Отдохнув на даче, мы благополучно вернулись в город, и нас снова закружила реальная жизнь. Разумеется, ни на какой перекресток я не собиралась тащиться ни через месяц, ни через два. Сказка приключилась, ну и ладно. Кольцо я свое вручила подходящему «первому встречному», и отлично. Он, похоже, тоже мечтал от своего избавиться по каким-то причинам, так что получилось алаверды, и мы квиты. А всякие ненормальные психические женихи, пусть даже из другого мира, мне не нужны.

А через тридцать дней, аккурат в полнолуние, уже под утро мне приснился странный сон.

Стою я на балконе, а передо мной расстилается парк. Красивый, как в Версале: клумбы фигурные, кусты подстриженные, дорожки плиточками выложенные. Вдалеке – горы со

снежными шапками, окрасившимися в розовый цвет. И почему-то я точно знаю, что сейчас рассвет.

– Ну и что ты теперь будешь делать? – спрашивает меня мужской голос.

– А что тут сделаешь? – отвечаю я, только почему-то тоже мужским голосом, продолжая смотреть на горы и рассвет. – Сам виноват: выбрал бы другой мир, и пронесло бы. Вручил бы кольцо какой-нибудь незнакомой девчонке, ни за что в жизни тогда отец не смог бы выяснить, кому именно я его отдал.

– Ой, не скажи! – хмыкает мой собеседник. – Мир-то ты выбирал другой. А занесло – куда занесло.

– Да кто же мог предположить, что две дурехи попрутся в мороз, ночью, на перекресток, да еще и зеркало с собой потащат! – в сердцах восклицаю я. – И мало того, что притащили зеркало и сбили мне переход, так они еще и на суженого, оказывается, гадали. Но и это не все! – Я нервно смеюсь и смотрю на свою руку. – Вот где она могла его раздобыть?! В уме не укладывается!

Батюшки! У меня не только голос во сне мужской, но и рука. А на пальце красуется моя прелесть!

– Да, влип ты, дружище! – сочувственно говорит мой собеседник. – Она хоть симпатичная?

– Симпатичная. Очень! – добавляю после паузы. – Глазастенькая такая, а нос маленький и чуть вздернутый. И волосы светлые, длинные и пушистые.

Мой друг – по крайней мере во сне я так считала – хмыкнул, но ничего не сказал.

– Хырч! Вот почему она не пришла? Я же ей все объяснил!

– А что ты хотел? Напугал девчонку до одури. Конечно, она не пришла. Я бы на ее месте тоже не потащился ночью на встречу с каким-то ненормальным! – весело смеется друг. – Ты-то что делать собираешься?

– А у меня есть выбор?! – огрызаюсь я. – Так и буду каждый месяц туда ходить и ждать. Наверное, рано или поздно связь между нами заработает, и ее потянет ко мне.

Проснувшись я под впечатлением от сна. Потом еще несколько дней отходила и гадала, что же это было? То ли мое подсознание сыграло дурную шутку, то ли?.. Второе «то ли» пугало. Неужто и вправду?.. Ой, мамочки!

Приближалось следующее полнолуние, март вступал в свои права, и я стала думать – ехать ли мне *туда*? Не поехала, а слегла с гриппом.

И опять увидела сон, а точнее, подслушала разговор. Снова надо «мной» подтрунивал мой друг, а я мужским голосом ругалась странным словом «хырч». Узнать бы, что оно означает? Кстати, словечко оказалось на редкость прилипучим, и я незаметно для себя начала постоянно употреблять его в быту и заразила им все свое окружение. Никто не знал, что оно означает, но звучало хорошо и всем нравилось.

В апреле история повторилась, но заболела не я, а Таня. Не могла же я поехать на ее дачу, если хозяйка дома валялась с ангиной? Надо ли повторять, что ночью я услышала не совсем лестные слова в адрес некоей Алисы? Обиделась, конечно, но возмущение Элима поняла и учла. Решила исправиться. Нужно все же поговорить с парнем. А то нехорошо как-то – он меня уже три месяца ждет – даже снится, – а я никак...

И вот наступил май. Сговорились мы с Танюшкой поехать на дачу на все майские праздники и совместить отдых на природе с моим свиданием с загадочным парнем, так как неумолимо приближалось очередное полнолуние. И чем ближе была возможная встреча, тем сильнее я волновалась и вспоминала необычного парня. Его прическу и серебристые спицы в ней, синие глаза, симпатичное лицо, пусть и с несколько длинноватым носом...

Время до полуночи прошло в волнительном предвкушении, и собиралась я на вероятную встречу, как на войну. В смысле, настраивалась и будила в себе боевой задор.

Таня оставалась в доме, но мы договорились, что если через два часа не вернусь, она начнет звонить мне на мобильный. А я натянула джинсы, кроссовки, курточку, чтобы комары не грызли, взяла с собой то самое зеркало, хотя и не знала, для чего оно было нужно, и пошла.

Явилась на перекресток даже чуть заранее. Походила по дороге туда-сюда, дождалась полночи и, встав на то же самое место, что и в крещенскую неделю, стала смотреть в отражение на происходящее за моей спиной. Ровно в двенадцать точно по центру перекрестка возникло марево, и из него выпрыгнула мужская фигура.

– Алиса! – обрадованно воскликнул пришелец и бросился ко мне. – Ты пришла!

– Пришла, пришла, – пробурчала я, аккуратно положила зеркало на траву, чтобы не разбить, и повернулась к парню. – Чего так кричать-то?

– А я тебя ждал! – возмущенно заявил мне Элим. – А тебя несколько месяцев не было.

– А я ничего не обещала! – не поддалась я.

– Но я же сказал тебе – ты моя невеста! – всплеснул он руками и с вызовом посмотрел мне в глаза.

– Но вообще-то я тоже тебе сказала, что нечего дразниться и сам дурак! – тут же снова обиделась я. Ну а чего он обзывается?!

– Алиса! – ишь ты, а интонации-то какие укоризненные.

– А нечего! Ты меня замуж звал? Не звал! Так что никакая я тебе не невеста, – покачала я перед его носом указательным пальцем. – Подумаешь, колечками обменялись! С каждым может приключиться. Сам же сказал – ничего личного.

– Логично, – улыбнулся Элим. – Знаешь, я тебя совсем не такой представлял. Ты в прошлый раз такая закутанная была, и нос у тебя был красным.

– Можно подумать, у тебя он был не красным, – фыркнула я. – В такой-то мороз...

Сегодня Элим был одет иначе. Обтягивающие темно-синие брюки из ткани типа сатина или плотного шелка подчеркивали длинные ноги и узкие бедра, более легкая голубая туника с разрезами по бокам облегла широкие плечи, на талии – кожаный ремень, на ногах, несмотря на жаркую уже погоду, – короткие, всего до щиколоток, черные замшевые сапожки. Я украдкой покосилась на его спину. Да, точно, горб. Только так странно, словно это не искривление позвоночника, а какой-то нарост на спине, потому что грудь впалой у парня не была. Возникало ощущение, что он повесил на спину рюкзачок, а сверху надел рубашку.

Мы переминались на месте, не зная, что сказать, только украдкой поглядывали друг на друга и улыбались. И тут из облачка портала раздалось деликатное покашливание.

– Алис, а я за тобой! – спохватился Элим. – Ты ведь теперь моя невеста. Пусть и незапланированная, но раз уж так случилось... Идем? – Он протянул мне руку.

– Вот еще! – фыркнула я и быстро спрятала руки за спину. – Никуда я с тобой не пойду. Это я так... Мимо проходила, думаю, дай-ка загляну на перекресток. А тут такая неожиданность – ты пожаловал.

– И зеркало совершенно случайно прихватила? – хмыкнул он.

– Конечно! – горячо согласилась я. – Я вообще, как ни пойду мимо перекрестка, находящегося черт знает где, так обязательно зеркало с собой беру.

Парень тихо рассмеялся, глядя на меня, и я, не выдержав, тоже прыснула от смеха. Тут из портала снова послышалось многозначительное покашливание.

– Алис, у нас мало времени, так как портал в твой мир крайне нестабилен. Давай так? Ты сейчас пойдешь со мной и погостишь в моем доме. Клянусь, даже пальцем к тебе не прикоснусь без спроса и не обижу. Мы там спокойно все обсудим. А если... если не сложится, то я верну тебя в твой мир.

Естественно, я упрямилась, он меня уламывал, некто невидимый бился в приступе кашля, все более нервного и намекающего. В итоге этот некто рывкнул:

– Хырч! Элим, через пять секунд все схлопнется!

И не успела я опомниться, как меня перекинули через плечо, как мешок с картошкой, и мы вывалились из портала в каком-то парке. На небе – полная луна, только не белая, а сиреневая, вокруг спящие ночью деревья и кусты, под ногами трава. Чуть в сторонке – высокий худощавый блондин, радостно потирающий руки.

Вопли мои слушать никто не стал, с плеча спускать – тоже и представлять другу – тем более. Короче, победила грубая сила. Единственное, что мне удалось, – сначала ущипнуть кое-кого наглого за бедро, а когда реакции не последовало – укусить за зад. Ну а что?! Кто ко мне с руками загребушими, того я – зубами кусачими. Ситуацию это не изменило, но душу грело.

Узнала много новых ругательств. Надо будет запомнить!

Вот так я пополнила ряды «попаданок». Поселили меня в шикарную комнату с потолками метров шесть в высоту, а сама комната оказалась величиной со средних размеров стадион. Кормили вкусно. Цветы и конфеты приносили каждый день, даже гардероб местный предоставили. Конфеты сначала хотела выбросить в окно, но одну попробовала и пожадничала. И вообще – у меня стресс. А все знают, самое лучшее лекарство для нервов – сладкое. Ну и вот... В общем, меня не обижали. Но ни Элим, ни его друг дня три не заходили, а меня из комнаты никуда не выпускали. Умные, гады. Давали время успокоиться и смириться. Приходила только миловидная девушка-горничная. Но со мной она не разговаривала, сказала, что ей хозяин запретил.

На третий день после вкусного и сытного обеда в дверь постучали, и вошел Элим.

– Привет! – Он замер на пороге.

– Привет, привет, – нехорошо прищурилась я и взяла в руки вазу со столика.

– У тебя все хорошо? – поинтересовался парень.

– О да-а! Просто замечательно! – протянула я и швырнула в него вазу.

Не попала. Эта неправильная ваза врезалась в стену рядом с головой Элима, отскочила и упала на пол. Не разбилась, что странно. Мы оба какое-то время смотрели на этот небьющийся фаянс, а потом парень кашлянул, привлекая мое внимание:

– Еще кидаться будешь? – Он улыбнулся. И, главное, так противно, что сразу в нос дать захотелось. Вот не замечала за собой раньше приступов драчливости, а тут прямо провоцируют. Как удержаться?

– А надо?

– Ну, если очень хочется, я потерплю. Тут кругом все небьющееся, так что мне не жалко. А ты агрессию скинешь.

Расстроилась я, села на стул и ручки сложила. Подумала и вздохнула – тяжело так, протяжно. И Элим вздохнул мне в тон. Мы помолчали вдвоем.

– Рассказывай, ирод, зачем ты меня похитил? – обреченно махнула рукой.

– Я – Элим. Ты забыла мое имя?

– Эх ты! Ничего-то ты, медведь, не понимаешь, – покачала я головой.

– Я не оборотень! – возмутился он. – Точнее, в некотором смысле – оборотень, но не медведь!

– А кто же? – Меня подмывало покрутить пальцем у виска, но сдержалась.

– Я – дракон!

– А-а-а! – загрустила я. – А я-то думала. Ладно. Входи, рассказывай!

Парень оживился, прошел в комнату и сел на стул напротив меня.

– Да я, собственно... Давай с самого начала? У меня была любимая девушка. Это кольцо, – он печально кивнул на мою руку, – предназначалось ей. Семейная реликвия, между

прочим. А она – отказала и еще посмеялась надо мной. Сказала, что за такого уродца, как я, ни одна девушка в этом мире не согласится замуж выйти. Я разозлился и поклялся, что отдам это кольцо первой встречной светловолосой и сероглазой девушке из другого мира. Ну, понимаешь, она кареглазая брюнетка, – добавил он смущенно и продолжил: – Кольцо я собирался просто подарить, не предлагая замужества. Так и оказался в твоём мире. Правда, портал открывал совсем в другой мир в крупный город, но ты с зеркалом и гаданием мой переход перехватила.

– А почему она тебя уродом назвала? Это из-за?.. – Я кивнула на его спину.

– Да. Из-за этого, – помрачнел он. – Только я-то думал, что она меня по-настоящему любит, и надеялся, что проклятие спадет. А она...

– Проклятие?

– Да. У меня это с детства. Я так и не смог из-за него раскрыть крылья, вот они и... В человеческом облике выглядят как горб.

– А в драконьем? – моргнула я. Ну елки, такую сказку рассказывают!

– А в драконьем – как крылья, но маленькие, детские. Я вырос, они – нет! – поморщился Элим.

– Жуть! – ужаснулась я. – Ладно, давай дальше.

– Дальше – я подарил тебе свое кольцо. А ты немыслимым образом оказалась владелицей давно утерянного второго кольца единения и надела его мне. Я до сих пор в шоке от этого. Так что теперь мы с тобой обручены.

– М-да. – Я пригорюнилась. Быть невестой дракона из другого мира мне не хотелось. Это уже клинкой для психов пахло. – А снять их?

– Не выйдет.

– И что же нам делать?

– Ну... – Он пожал плечами. – Давай пока просто познакомимся поближе? Узнаем друг друга. Ты посмотришь мой мир. Вдруг подружимся? Но если совсем никак, то я верну тебя домой, как и обещал.

– А что тогда будет с тобой?

– Ничего, – подозрительно быстро ответил Элим. – Дальше жить буду. Только жениться больше ни на ком не смогу. Но желающих и так нет.

– Вот мог бы и промолчать! Меня же теперь угрызения совести мучить будут! – возмутилась я.

– Ну, прости, – открыто улыбнулся синеглазый брюнет. – Пойдем, погуляем?

И мы пошли. С этого дня для меня были открыты весь дворец и парк вокруг него. Оказалось, что это летняя южная резиденция. Сюда семья Элима приезжала отдохнуть и погреться. А большую часть года он жил в родовом замке где-то далеко отсюда.

Элим оказался на удивление приятным и интересным собеседником. Мы много гуляли, он мне рассказывал о своем мире и о своей семье. О магии. О расах, населяющих этот мир. Ужас! Я точно попаданка. Здесь даже эльфы, гномы и гоблины живут. И в какой-то момент я поняла, что с нетерпением жду каждого утра и новых встреч с чудесными историями и хозяином дома.

Однажды я попросила Элима обернуться драконом. Он помрачнел и долго не соглашался, но я пообещала не смеяться над его крыльями. Понимала же, что его вины в наложенном проклятии нет. Да и вообще, мало ли у кого какие проблемы. У меня вот мизинчик на левой ноге немного кривоватый. И что?! Вслух я этого, конечно, не сказала. Еще чего!

Но мне очень хотелось увидеть настоящего дракона, пусть и с больными крыльями. Мне ведь до последнего не верилось, что это правда. Разговариваешь с красивым синеглазым парнем, а он говорит, что – дракон. И кто бы поверил? Не я, точно.

Зато потом, раскрыв рот и повизгивая от избытка чувств, я бегала вокруг огромного синего с перламутровым оттенком ящера. Вот точно как на картинках. Дракон! Самый натуральный! Только крылышки у него были маленькими. Настоящими, с перепонками, но маленькими. Но мне и это было чудом чудным! Разумеется, я выклянчила разрешение потрогать их. Эх, ну просто – ми-ми-ми!

В один из дней и я поведала Элиму свою эпопею с кольцом и почему вдруг подарила его. Мы повеселились над тем, как глупо все получилось.

Незаметно пролетел месяц. И за все это время парень не позволил себе ничего лишнего. Максимум, предложить мне руку во время прогулки или пододвинуть стул к столу во время совместных трапез. Это несколько смущало. Нет, я была ему признательна за то, что он ни к чему меня не принуждал. Но с другой стороны... Неужели я совсем не привлекала его как девушка? Это было обидно!

Нарушило нашу идиллию прибытие семьи Элима. Однажды утром, как раз накануне ночи полнолуния, он пришел ко мне в несколько взвинченном состоянии и сообщил, что прибыли его родители и жаждут познакомиться со мной. У меня их желание взаимности не встретило, но деваться-то было некуда. Пришлось пообещать, что сейчас спущусь. Приоделась я в одно из выделенных мне платьев, причесалась и пошла на встречу с предками Элима. Когда вошла в гостиную, меня уже ждали.

Встретили гостью два пытливых взгляда, один – любопытствующий и еще один обеспокоенный.

Думаю, понятно, что пыливо вглядывались – крупный солидный мужчина, чьей более молодой копией являлся Элим, и стройная брюнетка с чуть хищными чертами лица. Красивая, но стервозная! Это было моей первой мыслью, когда я взглянула на маму Элима. Третьим гостем оказался блондин, которого я видела мельком в день своего прибытия в этот мир, но познакомиться с которым не успела. Именно он смотрел с жадным любопытством.

Я покосилась на Элима и подняла брови.

– Мама, папа, это – Алиса. Я вам про нее рассказывал. Алиса, познакомься. Это мой отец – лирр Эйтан, моя мама – лирра Эйрина. И мой друг – лирр Рикардо.

– Можно просто – Рикардо, – подмигнул мне блондин.

Тут заговорила женщина:

– Ну и как вам в нашем дворце, милочка?

– Спасибо, хорошо, – вежливо ответила я.

– Все нравится?

– Да, вполне.

– То есть наше богатство вам кажется достаточным и вы не жалеете о своем некрасивом поступке?

– Что, простите? – не поняла я.

– Мы достаточно богаты, спрашиваю? Вам хватит?

– Мама! – возмущенно перебил ее Элим.

– О каком некрасивом поступке вы говорите? – Я нахмурилась.

– Моя жена говорит о том, что вы, дорогуша, воспользовались наивностью и бедственным положением нашего сына и обручились с ним, – густым басом заговорил отец Элима.

– Но я...

– Не перебивайте! Как вы посмели навязать себя в жены дракону? – продолжил отчитывать меня лирр Эйтан. – Возмутительная наглость! Скажите честно, сколько лет вы носили с собой кольцо единения, подкарауливая жертву? То-то, небось, обрадовались, когда мой сын сделал глупость и надел вам на палец свое кольцо! – Уголки его губ презрительно дернулись.

– Отец! – зазвенел от злости голос Элима. – Все совсем не так! Я ведь уже рассказывал вам, что произошло. Алиса мне объяснила, почему так получилось...

– О да! Она тебе еще и не то сказала бы, лишь бы втереться в доверие. Нашел, кому верить! – пропела лирра Эйрина. – Ты такой наивный, мой мальчик. Лиандра тоже тебе говорила, что без ума от тебя. А когда выяснилось, что проклятие снять не может, потому что... – осеклась она. – В общем, ты знаешь, что произошло. И я не хочу, чтобы ты снова обжегся и горевал.

– Мама! – почти прорычал Элим.

Рикардо в разговор не вмешивался, но в глазах его стояло сочувствие.

– Знаете, уважаемые родители Элима, – начала я цедить слова, – мне совершенно фиолетово, насколько вы богаты. И уж меньше всего я хотела выйти замуж за вашего сына. Я о его существовании даже не подозревала. Да и о вашем мире и о вас, драконах, – тоже. Так что можете спать спокойно. Никакая иномирянка не собирается покушаться на ваши сокровища. Чахните над ними дальше. А мне они и даром не нать, и за деньги не нать! И вообще, сегодня очередное полнолуние. Свое обещание погостить я выполнила, хотя и попала сюда в результате похищения. Теперь очередь за Элимом – он дал слово вернуть меня домой.

– Алиса! – потерянно позвал меня парень.

– Элим, увидимся вечером. Я сегодня же отправляюсь в свой мир. А до того попрошу меня не беспокоить, – очень вежливо сказала я ему. – Рикардо, жаль, что мы так и не успели получше познакомиться, всего вам хорошего. Мадам, мусью, и вам не хворать.

Развернулась и выскочила из гостиной. Весь день я просидела в своей комнате и проплакала, не откликаясь на стук в дверь.

К назначенному часу умылась холодной водой, переоделась в свои вещи и принялась ждать. Элим пришел за мной вместе с Рикардо. Пока шли по коридорам, он попытался что-то объяснить и извиниться за своих родителей, но я только устало отмахнулась и сказала, что родителей не выбирают. И что мне его очень жаль: жить рядом с такими злобными ящерами – врагу не пожелаешь. Только произнесла это, и где-то рядом что-то упало и жалобно тренькнуло. Элим вздрогнул, но не прокомментировал, а Рикардо загадочно улыбнулся.

Через несколько минут я уже стояла на таком знакомом перекрестке. В стороне так и валялось на траве мое зеркало. Странно, что Таня его не забрала. Неужели меня не искали?

Мы с Элимом какое-то время стояли молча и смотрели куда угодно, только не друг на друга.

– Алиса, я вернул тебя в тот же день, в который ты уходила со мной, – тихо сказал он. – Я хоть и проклят, но, как любой дракон, умею повелевать временем.

– Спасибо! – Я шмыгнула носом. – Жаль, ты мне раньше не сказал. Я весь месяц переживала, что родители за меня волновались и разыскивали по моргам и больницам.

– Алиса...

– Счастливо, Элим. Мне очень понравилось у тебя в гостях, и я не жалею ни о чем. Удачи тебе и будь счастлив!

– Алиса, давай?..

Закончить он не успел, Рикардо выкрикнул, что пора... Портал закрылся. А я, хлюпая носом и вытирая слезы, подобрала зеркало и поплелась к дачному домику, где меня ждала подруга.

Сказка закончилась, здравствуй, реальная жизнь. В которой нет веселого умного синеглазого парня-дракона, пусть и с горбом от какого-то проклятья. И никто не превращается в синего ящера с маленькими смешными крылышками.

А потом я рассказывала все Тане и рыдала навзрыд, потому что... Потому что – все! Все плохо, плохо, плохо! И я его больше никогда не увижу! Ы-ы-ы-ы!!!

Выбросить из головы Элима и забыть о нем и о моем сказочном приключении у меня так и не получилось. Почти каждую ночь мне снился тот, другой мир: зеленый ухожен-

ный парк, летний дворец, похожий на хрупкий кукольный домик, и веселый черноволосый парень. А утром я просыпалась с мокрыми глазами, через силу приводила себя в порядок и ехала на работу. Отдушиной были только телефонные разговоры и встречи с подругой. Там я выливала на Таню свои беды и переживания, а она терпеливо служила мне жилеткой, в которую можно было выплакаться.

Однажды Таня не выдержала.

– Собирайся! – заявила она мне с порога кабинета, в котором я сидела вместе с еще несколькими коллегами.

– Куда? – опешила я. – Ой, привет. А ты тут как? Зачем?

– За надом! – отрезала подруга и плюхнула на стол мою сумку, с которой я обычно ездила к ней на дачу. – С твоей начальницей я уже договорилась. Завтра у тебя отгул за свой счет, так что давай закругляйся, мы уезжаем. У тебя дома я уже была, твоя мама любезно разрешила мне собрать тебе вещи, так как время поджимает.

– А куда?..

– Быстрее, – сверкнула она глазами, не обращая внимания на моих коллег, которые прислушивались к нашему разговору. – Мы как раз успеваем на восьмичасовую электричку. Так что бегом, Алиса. Вперед за белым кроликом!

Я рассмеялась этой старой Таниной шутке. Она все время так говорила, когда подгоняла меня. Так и не объяснив, что произошло и с какой стати мы вдруг среди недели спешно мчимся к ней на дачу, она всю дорогу до вокзала заговаривала мне зубы и развлекала. На восьмичасовую электричку мы действительно успели и продремали два часа в дороге под мерный стук колес. Добрались до дачного поселка, поужинали, и только уже ближе к полуночи Таня оживилась и вскочила.

– Так! Вот твоя куртка, кроссовки, надевай.

Я пожала плечами и выполнила ее просьбу.

– А не поздно ли гулять? Комаров кормить? – лениво поинтересовалась у нее.

– Не поздно. Держи зеркало!

– И куда мы? – помрачнела я, глядя на то самое зеркало, с которого началась вся эта эпопея с пришельцем из другого мира.

– Туда! Ты что, забыла? Сегодня полнолуние! Будем ждать твоего Элима. Слышать я уже не могу твои рыдания! Если любит и скучает – придет.

– А если он уже давно забыл про меня? – отвернулась я к окну и уставилась на круглую луну.

– Вот и узнаешь! Все, топай! – И Таня вытолкала упирающуюся меня за дверь.

Расстроилась я, конечно, но не стану лукавить – в глубине горел огонек надежды, что ОН придет. Хоть повидаться...

В полночь я стояла спиной к перекрестку, держа в руках зеркало и глядя на отражение. И когда начало проявляться облачко марева, сначала решила, что мне померещилось, так как я слишком сильно этого хотела.

– О! Я же говорила! – довольно прошептала Таня и расплылась в улыбке.

А через секунду из портала вышла такая знакомая фигура. Я сунула зеркало подруге и медленно повернулась, не зная, что следует сейчас сделать. Элим тоже обернулся, увидел меня и замер.

– Алиса?! – И такое радостное неверие прозвучало в его голосе, что у меня комок в горле встал.

– Привет! – выдавила я из себя и на негнущихся деревянных ногах пошла к нему.

– Я так рад, что ты пришла! Не надеялся, не верил... Точнее, надеялся, верил, но так боялся, что ты не придешь! – проговорил он.

– А мы это... гуляли. Дай, думаю, загляну на перекресток. А тут ты, – проговорила я и поковыряла мыском кроссовки землю.

– Алиса, я так по тебе скучал! Все время о тебе думал и ничего не мог делать, все из рук валялось, – тихо произнес Элим.

– Правда? – обрадовалась я. – Я тоже. Все время... – И совсем смутилась.

– Алис, а давай мы попробуем еще...

Договорить он не успел, потому что из портала раздался весьма нервный женский голос:

– Да признавайся же ты уже! А то она опять сбежит! – И прямо из облачка марева в нас полетел букетик цветов.

А голосочек-то знако-о-о-мый.

Я вопросительно посмотрела на Элима, держа в руках букет, который он неловко мне подал.

– Алиса, я... я...

– Да?

– Я тебя люблю! – выдохнул он, наконец, и зажмурился. – Очень, очень!

– И я тебя! – прошептала я и отвернулась, так как щеки начали гореть.

– О господи! – не выдержала Таня. – Да целуйтесь же вы уже быстрее! Сил моих нет смотреть, как вы мямлите. И учти, Элим, еще месяц ее рыданий и историй о том, какой ты удивительный, – я не вынесу! Я ведь не железная!

– Таня! – возмутилась я и покосилась на Элима.

А он смотрел на меня с такой блаженной улыбкой, что мне даже неловко как-то стало.

– Целуются? – спросил голос лирры Эйрины из портала.

– Нет! – сердито ответила ей Таня. – А ну быстро целуйтесь, кому говорят! – это уже нам.

Элим взял меня за руки, начал наклоняться, и тут снова прозвучал вопрос, но уже от лирры Эйтана:

– А сейчас?

Мы с Элимом прыснули от смеха, посмотрели глаза в глаза и... Кажется, из портала снова что-то спрашивали, а Таня отвечала... Но нам было не до них.

Когда мы оторвались друг от друга, Элим опустил на одно колено и серьезно заговорил:

– Алиса, я очень тебя люблю. Не представляю свою жизнь без тебя, твоего смеха и голоса. Пушистых светлых волос и лучистых глаз. Я предлагаю тебе руку и сердце! согласишься ли ты разделить свою жизнь со мной? Сможешь ли принять меня таким? – Он дернул плечом.

– Это, в смысле, замуж? – робко уточнила я. А то мало ли, что у драконов из другого мира подразумевается под таким предложением.

– Да! – взволнованно подтвердил Элим. – Давай поженимся?

– Давай! – улыбнулась я парню, в которого влюбилась по уши.

Мой дракон вскочил, обнял меня и поцеловал. И тут раздался удивленный голос Тани:

– Элим, а куда делся твой горб?

– Что?! Проклятие спало?! Это все-таки истинная любовь?! – выкрикнули одновременно три взволнованных голоса из портала.

– Правда исчез? – с безумной надеждой в глазах уточнил Элим, дождался подтверждения и прошептал мне: – Я покатаю тебя по небу! У меня теперь есть крылья!

– Таня, увидимся через месяц! – крикнула я, и мы с Элимом шагнули в портал.

Зимний Лорд (Александра Черчень)

Он приходит с первым снегом. Глубокой ночью, когда город уже спит.

Я не спала. Ждала. Сидела на окне, зябко кутаясь в безразмерный свитер с широким воротом, и грела в руках чашку с давно остывшим кофе, к которому так и не притронулась за все эти часы.

Ему никогда не нравился вкус этого напитка на моих губах, хотя коснулся их всего однажды, опалив меня холодом. Больше таких экспериментов мы не позволяли. Но я запомнила... И теперь каждую ночь хоть и готовила кофе, но не притрагивалась. Зачем готовила? Наверное, из чувства противоречия. Кому? Наверное, себе. Ведь он не приближался. И мне было... жаль?

Откинулась головой на стенку, наблюдая за танцем серебряных снежинок в ярком свете фонаря. Они медленно кружили в воздухе, плавно оседая на белоснежный покров своих, уже павших с неба, собратьев.

Моя Зима всегда появлялся бесшумно. Просто возникал на соседнем окне, в противоположном углу комнаты. И мы молчали... пока кому-то это не надоедало. Иногда за всю встречу не было сказано не единого слова. Когда уставала, я так же молча поднималась, ложилась в постель и засыпала, глядя на темную фигуру на фоне белоснежного царства холода за окном.

Я на него не взглянула. И так знаю, что Зимний сидит в своей любимой позе, расслабленно положив руку на согнутое колено, и смотрит. Он на меня, а я в окно, на его стихию.

– Маргарита, – окликнул меня тихий голос.

– Да? – поворачиваю голову к нему, привычно лаская взглядом резкое, худое лицо с невыносимо яркими голубыми глазами, короткие белоснежные волосы были, как обычно, немного встрепаны. Ровно настолько, чтобы к ним хотелось прикоснуться, пригладить.

– Я скучал, – ровно, бесстрастно, так, как будто это была дежурная фраза.

– Это бессмысленно, – в том же тоне ответила, снова отворачиваясь к холодному стеклу. Коснулась кончиками пальцев прозрачной преграды и чуть заметно вздрогнула от обжигающего прикосновения мороза.

– Ты замерзла? – почти неслышно спросил мой Зимний. Горечь интонаций полынью осталась на губах.

– Как обычно, – спокойно кивнула, поворачиваясь к нему. Вздрогнула, поймав взгляд, и постаралась не утонуть в его глазах. Как и в первую встречу, поразились их цвету: красивее арктического льда. А руки холоднее. И губы...

– Прости, – только и ответил он, присаживаясь рядом.

– Зачем так? – непроизвольно поежилась я, обхватывая себя руками и с легким осуждением глядя на Зимнего.

– Иначе не получается прийти к тебе, – пожал плечами, затянутыми в полночно-синюю рубашку. – Так плохо?

Я закрыла глаза, втягивая в себя его запах. Мороз, свежесть и зимнее солнце. То самое, которое не греет. Вот и он – мое зимнее солнце.

– Тогда хотя бы отойду, – шевельнулся он, собираясь снова пересечь комнату.

– Нет! – испуганно распахнула глаза и подалась вперед, желая удержать. Мои пальцы замерли в нескольких сантиметрах от светлой кожи руки. Красивая узкая ладонь с длинными изящными пальцами дрогнула, приближаясь, желая хоть на миг ощутить мое тепло. Но разум снова оказался сильнее.

– Я забываюсь, – грустно констатировал он.

– Это плохо?

– Это нехорошо. – Бледные губы тронула едва заметная улыбка. – Для тебя – да. Забавно...

– Что именно? – склонила голову, глядя на него сквозь упавший на глаза рыжий завиток.

Он так жадно посмотрел на меня, что я снова вздрогнула, но на этот раз вовсе не от холода. Волна, прокатившаяся по телу, была горячей.

Зимний резко подался вперед и откинул с моего лба непослушный локон, и он тут же покрылся инеем.

– То, что ты меня поймала, – ласково улыбнулись льдисто-голубые глаза. – Мое лето.

– Я не лето, – спокойно возразила, машинально пропуская через пальцы пострадавшую прядь, ощущая холод волшебного инея на пальцах. Отголосок его прикосновения. Все, что доступно, – даже не след, лишь воспоминание. Но и оно не исчезнет еще несколько дней.

– Я не имел в виду Время Года, – покачал головой Зимний. – Ощущение. Мое тепло, мой огонь. Недоступный, – бесстрастное лицо, на котором всегда отражалось так мало эмоций, исказилось злостью и отчаянием, и он ударил кулаком по стене. – Почему?!

– Ингрид, не громи мой дом, – спокойно попросила в ответ. – Толку все равно не будет.

– Я же просил не сокращать так мое имя, – недовольно фыркнул он.

– Ингридир – мне не нравится, – невозмутимо ответила я.

– Скажи, почему из нас двоих холодна, невозмутима и бесчувственна именно ты? – снова взял себя в руки Зимний.

– Может, потому, что ты меня выморозил за это время? – вскинула бровь. – Измотал, выжиг из дома последние крохи тепла. Не давал отогреться с кем-то другим. Ведь сразу было понятно, что прикосновения нам недоступны... только боль! Ты эгоист, Ингридир...

– Тебе же не нравится это имя, – язвительно напомнил мне собеседник.

– Сейчас у меня не находится в твой адрес другого, – взглянула на него, ощущая смутное удовлетворение от того, что он теряет контроль над эмоциями.

Или это тоска по былой живости, которая как будто моей Зиме передалась?

– Рита, я не могу отказаться, – безнадежно признался он, откидываясь на стекло и обессиленно закрывая сапфировые глаза. – Я впервые начал чувствовать свой холод. Это... ужасно.

– Ты для меня мучителен, – тихо призналась я, беря в руки чашку кофе, хотя заранее знала, что в ней не осталось даже крохи тепла, которое могло бы согреть мои руки. – Знаешь, что самое удивительное? – горько улыбаюсь – Если ты не приходишь, то мне еще хуже: в твое отсутствие я замерзаю даже сильнее... Абсурд.

Ингрид шевельнулась, я скосила глаза и успела заметить, как из сгустившегося в воздухе пара материализовывается чашка с горячим напитком. Я уже знала, что это каркаде. Как ни странно. Когда в первый раз увидела это, то думала, что там будет зеленый чай. Не ассоциировался у меня с ним этот рубиновый напиток с ярким вкусом. На мой невысказанный вопрос Зимний только улыбнулся и сказал: «Это не я. Это ты».

– Спасибо, – поблагодарила, быстро принимая из его рук кружку. Стараясь не коснуться бледной, опасной, но такой манящей кожи. Хоть украдкой... Даже зная, какова будет расплата, я не могу избавиться от искушения.

Он поморщился и потер покрасневшую ладонь. Обжегся... Для него только одно тепло живительно. Мое. А для меня – его, хотя оно и убивает меня с каждым прикосновением.

Руки обдал жаром горячий фарфор, а мне это было почти приятно... Мазохистка. Кто бы мне сказал до встречи с ним, что это простое ощущение будет так дорого?

Ингрид. Он давит, замораживает, он невыносим. Каждый миг рядом мучителен для меня. Но без него жизнь вообще прекращается. Душу окутывает метель, чувства индевеют...

И уже ничего не важно. Сквозь ледяной панцирь избранницы Зимы не пробиться никому. И даже самый обжигающий чай не сможет согреть мои руки, пока его нет рядом.

Встряхнула головой, отгоняя непонятные мысли, и поднесла к губам чашку. Глотнула сладкий рубиновый напиток, посмаковала кислотовато-терпкое послевкусие и тихо спросила:

– Что это за марка? Искала, но так и не нашла ничего настолько яркого.

Посмотрела на мужчину, который так и не сменил позу. Даже глаз не открыл.

Он не совершенен. Я бы даже не назвала его красивым.

Но он МОЙ. И это окупает все.

Но бывает так, что половинки принадлежат к разным стихиям. И если уровень сил примерно одинаковый, то можно выжить. Но не тогда, когда он воплощение самого холодного Времени Года, а во мне едва теплятся искры огня. Которые, казалось, исчерпали себя, окрашивая волосы в невероятно яркий рыжий цвет.

Да, он МОЙ. Хоть и приняла я это не сразу. Но это ничего не меняет. Зимнему холодно, он тянется к теплу, как и любой, кто нашел СВОЮ. А я умираю от каждого мига рядом. От каждого прикосновения мое робкое пламя души как снегом замедает. И огоньку очень нелегко его растопить.

Я вздрогнула от неожиданно резко прозвучавшего голоса мужчины: – Это выращивают только для тебя. И снова пауза. – Рита, – позвал меня Ингрид. – Хочешь полетать?

– Хочу, – отпила еще один глоток. – Но как?

Полет... Недостижимая мечта. Сколько раз я с тоской смотрела в высокое небо, понимая, что никак не получится. Да, новинки механики никто не отменял, но... не то! Просто не то. Это как плавать со спасательным кругом.

Так же и с полетом. Если нет крыльев... в небе ты калека и только будешь еще больше чувствовать свою ущербность, не в силах слиться с небесами.

– Будет холодно, – спокойно ответил Ингрид.

– Но будет свобода?

– Да, – медленно кивнул Зима.

За окном погас фонарь, и комната теперь утопала в темноте.

Я слабею с каждым мигом. Но ни за что бы не променяла эти минуты на что-то другое! И выхода нет.

Его не знает даже великий Зимний Лорд.

Он тоже изменился за это время: когда мы впервые встретились, он был совершенно иным. Встретились... Случайно. Естественно, я не знала, кто он, пока не прикоснулась. Пока не похолодела от ужаса. Или ужас пришел следом за холодом?

Молоденькая, отчаянно рыжая, конопатая веселая девушка, почти слетала со ступеней ратуши. Ее приняли на работу! Ее, молоденькую выпускницу, и к самому Месяцу! Январь хоть и слыл суровым, но был справедливым.

Волосы, убранные в аккуратную прическу, в очередной раз не удержали шпильки и выпустили на свободу несколько огненных язычков. Я была так счастлива, что смотрела куда угодно, но не вперед. А он просто слишком привык к тому, что ему уступают дорогу.

В общем, каждый из нас был слишком занят собой. Потому никто и не свернул, и, как следствие, столкнулись. Его руки коснулись моих и замерли. Надменное лицо перестало быть таким уж отталкивающим. В тот момент он казался мне лучше всех на свете. А потом... пришел холод. Он проникал под кожу, расплзался по венам, проступал инеем на волосах и скулах. Я отшатнулась.

Зимний отчаянно и непонимающе смотрел. А я плакала. Плакала, уже понимая значение того, что сейчас случилось.

Встретить свою половину – это высшее счастье из возможных.

Над нами судьба, наверное, посмеялась.

– Хватит, – почти неслышно попросил Зимний. – Рита, это бессмысленно.

– Жить вообще бессмысленно, – угрюмо ответила я. – Лучше бы я никогда тебя не видела, Ингрид.

– Не в этой жизни, так в следующей, – пожал плечами Лорд. – Мы неотделимы.

– Но, может, в следующей повезло бы больше? – одними губами сказала я.

– Не рви мне душу, – простонал с такой мукой в голосе, что мне стало жутко. – Я не могу, Рита! Меня притягивает. Все дороги ведут к тебе, к твоему дому, любимому кафе, всюду, где есть хоть легкий флер твоего присутствия.

– Тогда почему ты так долго не приходил?! – вскочила с подоконника и резко повернулась к нему. – Почему?!

– Потому что ты умираешь! – Ингрид порывисто отвернулся, запустил ладонь в бело-снежные волосы и с силой дернул, вымещая ярость и бессилие. – Думаешь, я не вижу? С каждым миготом, с каждой фразой, с каждым глотком этого воздуха! Моего воздуха!

– Без тебя в сто раз хуже! – подалась вперед, желая заставить его обернуться, снова посмотреть на меня. Я хочу его видеть, разве это много?! От движения слабо заплетенная коса растрепалась окончательно, и медные кудрявые волосы рассыпались по плечам и спине, укутывая меня огненным плащом. – Цвета, запахи, жизнь вокруг – все на втором плане! Никто, никто не может вытащить!

– Мне не легче. – В голосе мужчины не было уже и тени эмоций, которые бушевали там недавно.

– Ты обещал мне полет, – спустя некоторое время, которое никто так и не нарушил даже случайно оброненным словом, напомнила я.

– Ты хочешь полетать на снежном буране? – принял мою молчаливую просьбу оставить тему наших безнадежных отношений Ингрид.

– Я же... – начала, уже сейчас вздрагивая от холода, который еще даже не коснулся кожи.

– У меня сюрприз. Сегодня ты не будешь мерзнуть, – покачал головой Зимний.

– Ты не уйдешь?! – перепугалась я, подаваясь вперед, не обращая внимания на то, что теперь он стоял совсем близко от меня, невыносимо близко. Сейчас я могла увидеть каждую синюю крапинку в голубой радужке, настолько, что могла ощутить, как от него пахнет морозом. Захотелось прижаться еще ближе. Но я снова замерзаю.

Странно... Обжигающий холод в первую секунду так похож на невыносимый жар...

У нас такая двойка наших отношений.

Влюбленность, отчаянное желание быть рядом.

Иллюзорность.

Обреченность.

Он рвано выдохнул, протянул вперед руку, остановившись почти в миллиметре от кожи, провел вниз, лаская воздух, который донес до покрывающейся мурашками кожи отголоски этого странного прикосновения.

– Я ходил к Лету, – не находя сил отстраниться, хрипло сказал Ингрид.

– Зачем? – нарочито спокойно осведомилась я. Ох, если бы было можно хоть немного придвинуться ближе. Обнять, прижаться, не расплачиваясь за это судорогами мышц, которые так и не привыкли к такому резкому переохлаждению. – Вы же не любите друг друга.

– Зато я люблю тебя, – просто ответил Зима, согревая меня этими словами лучше самых жарких объятий на свете. Хотя тепла его рук я никогда не знала.

Он никогда раньше так не говорил...

– А я...

– А тебе холодно, я знаю, – горько улыбнулся Ингридир, с болью глядя на меня.

– Все-то ты испортишь, – отвернулась я.

Он промолчал, я взглянула на Зимнего и увидела, что он сотворил новую чашку, достал какой-то пузырек и вылил туда половину. Протянул кружку мне.

– Что это?

– Живой огонь, – кратко пояснил Ингрид.

– Но... – я потрясенно опустила глаза на багровый напиток, в котором он только что растворил легенду.

– Я же воплощение, – криво усмехнулся Зимний. – Должен же быть хоть какой-то прок?

– Ты, по определению, противоположность, – покачала головой в ответ. – Зима, отдых, покой. Кхм... Вечный... Наверное, это так прекрасно: навсегда засыпать в объятиях метели.

– Не говори глупостей, – закаменело лицо мужчины. – Мне становится не по себе.

– А это и не глупости, – спокойно взглянула на Ингридира. – Просто размышления. Ведь и правда. Умирать от мороза всего лишь холодно. Не больно. – Повисла пауза, в которую эхом упали мои последние слова. – Я знаю.

– Ты ведь понимаешь, что я тогда тоже не задержусь? – Голос Зимы даже не дрогнул.

– Ты не выполнил свое предназначение, – медленно покачала головой я. – Контракт с Годом. И нет никакой возможности что-то изменить. И пока ты Время Года, Последняя Спутница не придет за тобой.

Блондин резко качнул головой, отвинтил крышку бутылка и залпом выпил остаток. Быстро достал второй сосуд и, не колеблясь, осушил и его тоже. Но... он был иным. В нем как пламя сверкало. Изначальное?!

Зима охнул, выронил склянку и схватился за солнечное сплетение. Слепо нашарил подоконник, опираясь всем телом.

– Ингрид, – испуганно метнулась вперед.

– Все хорошо, – прерывисто выдохнул Лорд. – Это ожидаемо.

На бледном лице выступили капельки пота, которые он быстро стер, с некоторым изумлением глядя на соленую влагу на пальцах. Ну да... он уже давно не человек.

Мне же с каждой секундой становилось все лучше и лучше. Тело снова наполнялось звенящей энергией, силой, искристым теплом, которое я так давно не чувствовала.

Так. Зелье. А потом изначальный огонь...

Что он может сделать с Зимним?!

Тело мужчины начинало мягко светиться голубым светом, который плавно сгущался на груди, перетекая в заключенную в серебряную паутину небольшую сферу, превращая прозрачный хрусталь в самую драгоценную вещь на свете. В нем сверкала, билась о прозрачные стенки, ярилась то белой метелью, то синим льдом одна из самых могучих сил в мироздании. И она желала вернуться к своему владельцу. Ингрид, что же ты натворил?!

– Зачем? – с мукой спросила я. – Я же и так сегодня умру. Я же все чувствую! Как закрывается эта дверь.

– Я открою для тебя другую, – упрямо сжал губы сумасшедший, который посмел сделать то, на что имел право только Год.

– Поздно! – закрыла лицо руками и обессиленно сползла на пол у его ног. – Поздно, Ингрид! Меня не спасет даже то, что ты дал. Это последняя вспышка, понимаешь? Самое яркое пламя перед угасанием...

По пальцам скользнули теплые капли. Я от удивления даже отняла ладони от лица. Я... плачу?

Рядом тяжело опустился Зима, который уже не выглядел таким безупречным. Волосы потемнели, глаза стали серыми, черты лица менее совершенными и более человеческими. Но я смотрела на него, как замороженная. Он... живой? Человек? Я могу его коснуться, не боясь этим сократить и так малое время, отпущенное мне?

Оказывается, убивает не только неразделенная любовь. Гораздо мучительнее, и даже без шанса на воскрешение, убивает взаимное чувство. Наше чувство.

– Зато теперь, даже если не удастся тебя спасти, то у меня получится уйти следом. Или Год рассердится за самоуправство и самолично прибудет.

Я не ответила. Он не стал настаивать.

Мы сидели рядом в постепенно нагревающейся комнате, и меня неудержимо тянуло сократить дистанцию. Проверить. Боязнь таких желанных прикосновений уже въелась в плоть и кровь.

Подняла голову и столкнулась взглядом с льдисто-серыми внимательными глазами.

– А ты не сдержал обещание, – непонятно почему шепчу я, поворачиваясь лицом к нему и глупо улыбаюсь. Поднимаю руку и дарю невесомую ласку воздуху в миллиметре от его кожи. Пальцы дрожат, я боюсь. Но от него веет жаром.

– Какое? – непонимающе спрашивает Ингрид.

– Не летали, – решаюсь и все же на миг касаюсь его щеки, впрочем, тут же отдергивая пальцы. Но... все было хорошо. Почувствовала лишь отголосок ласкового тепла.

– А нужно? – почти неслышно произносят его губы, и внезапно большая, горячая ладонь ловит мою. Я машинально шарахаюсь, но затем смотрю на наши сцепленные руки и понимаю, что... можно.

– Нет, не надо. Я летаю сейчас.

Он мне протягивает вторую руку, и я осторожно касаюсь его, провожу по изящным пальцам, ладони, легко глажу запястье.

– Рита, – выдыхает он, внезапно оказываясь так близко, что я вижу отблески бывшего льда в самых прекрасных глазах на свете.

Я не ответила. Я просто улыбалась. Счастливо, искренне, с головой окунаясь в те чувства, что всегда жили, но были окутаны покровом страха, ненависти к самой себе, что я его люблю. К нему. Что он Зима, что он моя половина. Что он тоже меня любит. Мне казалось, что лучше простая жизнь, как у всех, обычная семья, но жизнь!!! Ведь еще год назад, тогда, когда встретила, я знала, что все оставшееся время будет агонией.

Оно и было.

И для меня, и для него.

Ведь в этом суть половинок. Сила наших чувств одинакова. Нашей боли. Нашего горького счастья. Первого и последнего.

– Еще лучше, чем думал, – тихо признается Ингрид, поднося мои пальцы к губам. – Молоко и мед.

Я сделала то, чего давно так хотела. Пригладила постоянно встрепанные волосы. Если коснуться Зимнего казалось кошунством, то его такого можно было. И коснуться, и запутаться пальцами в неожиданно мягких прядях.

– Можно? – он потянулся ко мне, возвращая ласку, и я мимолетно поразились тому, что рыжий локон не покрылся инеем. – Знаешь, я ведь еще раньше тебя видел, – внезапно заговорил Ингрид. – Не обратил особого внимания. Вернее, обратил, но только на волосы. Ты стояла у окна, смотрела на заходящее солнце, и я увлекся пересчитыванием оттенков в прядях. Их оказалось неожиданно много.

– А потом ты подошел и сделал выговор за неподобающую прическу, – вспомнила этот эпизод. – Надменно меня оглядел, скривился и ушел.

– Дурак, – спокойно признал Ингридир. – Меня тогда три раза секретарю пришлось окликнуть и даже за рукав дернуть, чтобы я обратил на него внимание. И... разозлился. На себя.

Горячие пальцы погладили кожу за ухом, скользнули на шею, вызвав внутренний трепет.

А мне безумно хотелось, чтобы он был еще ближе. Невыносимо. До дрожи.

– Обними меня.

Секунду ничего не происходило. Потом мы одновременно подались вперед, решительно, не оставляя шанса даже родиться моему страху или его сомнениям.

Объятия любимого оказались лучше самого теплого одеяла с чашкой липового чая.

Грели и душу и тело. И от него пахло полевыми травами, с легким, диким цветочным ароматом.

Он скользил губами по скуле, ловя непонятно как там оказавшиеся соленые капли. Почему опять слезы? Ведь сейчас я так счастлива!

Ингрид прижимал все ближе к себе, зарывался лицом в волосы, лихорадочно вдыхал мой запах, скользил ладонями по телу, лаская, изучая.

Я отвечала тем же, гладила плечи, шею, его кожу, которая столько времени была запретной, и отчаянно сожалела, что у нас так мало времени.

Поцелуй оказался откровением. Опаляющий, согревающий, нежный. Мы оба вкладывали в него все, что могли. Все, что было, что есть сейчас и чего никогда уже не случится.

И было хорошо. Очень хорошо.

Последние часы.

Сидя на подоконнике, в кольце обнимающих тебя рук СВОЕГО человека, отдавая все, что могла, и получая не меньше. Наблюдая, как дождь рассеивает капли по стеклу и сугробам внизу.

Потому что из мира исчез Зима. Заточенная сила все так же бушевала в хрустале, но ничего не могла сделать.

И мне сейчас было ни капли не стыдно перед человечеством за это глобальное потепление во всем мире.

Снова становилось холодно. Казалось, что весь недавно бушевавший внутри разбуженный огонь уходил в разгорающийся рассвет. На удивление красочный в это последнее утро.

Я уже начинала дрожать. Как и он. Умирали мы тоже вместе.

Он так хотел.

А я нет.

Отчаянно не хотела.

– Ингрид, – окликнула любимого, прижимаясь к его плечу, скользя губами по подбородку, осторожно подбираясь пальцами к шарiku на цепочке. – Дай, пожалуйста.

Он не колебался ни секунды. Отцепил и отдал.

Зря, наверное.

Я покрутила сферу, сжала в руке и прижалась к нему как можно крепче. По щекам опять покатались слезы. Умирать не хочется никому.

Я разжала пальцы. Шар упал на пол и разбился. Разлетелся мелкими осколками. Почти бесшумно.

– Рита!

Голубой туман метнулся к нам, окутывая своего Лорда, впитываясь, выбеливая волосы, придавая глазам цвет синего льда, наполняя первозданным холодом.

Я же, уже индеев от этого, последним усилием потянулась и поцеловала его во все еще чуть теплые губы.

И замерзла.

И все же обманывают. Сначала было больно.

А потом тепло.

И я уходила спокойно. Уже со стороны видя отчаявшегося мужчину, склонившегося над рыжей девушкой. Бледной и безжизненной.

Но так было надо.

Да, я сейчас уйду. Но он остается. Он не умрет.

А я вернусь. Выберу такую же, как и я сама, отчаянно рыжую душу и вернусь к нему.

Да, умереть вместе, в одну секунду, – это красиво и романтично.

Но неизвестно, найдем ли мы потом друг друга.

И не повторится ли история.

А так...

Он был силен. Я оказалась очень слаба.

Но могу это исправить.

А вечный Лорд меня дождется.

– Верно, любимый?

СПУСТЯ ДОЛГИЕ ГОДЫ

Это бывает редко, но все же случается.

Когда один взгляд глаза в глаза и оба пропадают.

Вот как сейчас...

Высокий светловолосый надменный мужчина в белом расстегнутом пальто шел по заснеженной аллее и казался продолжением свой стихии.

Ингридир, за последние годы и правда совсем замерз. Заиндевел в своем холоде и спасся теперь только им же.

Но...

Сегодня на его избранном маршруте, куда не пускали никого постороннего духи метели, внезапно вдалеке появилась тонкая женская фигурка. Девушка энергично шла, и снег поскрипывал под подошвами сапожек, ложился на плечи, затянутые в ярко-зеленое пальто, и искрами рассыпался по изумрудной же вязаной шапочке и тугим медным кудряшкам, сверкающим в лучах холодного солнца.

Ингрид неверяще тряхнул головой и постарался выгнать из души отчаянную надежду, которая просыпалась в нем при виде любой рыжей девушки. Но... каждый раз он понимал, что это не его Рита.

Но сейчас... Он остановился, а она подошла ближе, тоже замерев в нескольких метрах от Лорда Зимы.

Мужчина жадно смотрел в глаза, игнорируя чужие черты лица. А она... она улыбнулась и сказала всего одну фразу:

– Я же обещала.

А потом было красиво. Яркое солнце, играющее на искристом покрове, крупные снежинки, падающие с прозрачно-голубых небес, и мужчина и женщина, сжимающие друг друга в крепких объятиях.

И наверное, не будет преувеличением сказать, что они больше никогда друг друга не отпустят.

Проклятая земля (Наталья Жильцова)

– Ну, вот и приехали, господа маги, – сообщил мужик, останавливая телегу у развилки, наполовину заросшей молодой зеленой травкой. – Дальше, уж звиняйте, токмо своим ходом, а я не рискну.

Лорана тотчас с любопытством взгляделась в уводящую влево дорогу. Где-то там, скрытая небольшим лесочком, находится заброшенная деревня, где ее ждет первое настоящее боевое задание! В душе девушки все буквально пело от предвкушения, и из телеги она соскочила пружинкой, быстрее всех.

Вслед за ней спрыгнул высокий темноволосый красавчик Дамир – боевой маг-элементалист. А уж потом спустились и магистры: седовласый куратор кафедры магии Земли Аскарриус и сопровождающий группу представитель факультета некромантии Савелий.

Взглянув на молодого светловолосого магистра, Лорана вновь не смогла сдержаться инстинктивной неприязни. И дело даже не в том, что в отличие от куратора и Дамира – светлых магов – некромант был темным, дело в его демоновом характере: язвительный, циничный некромант не упускал возможности высмеять любую мелочь. Особенно, если эта «мелочь» хоть как-то касалась ее, Лораны. Некромант словно выбрал девушку своей персональной жертвой и провоцировал, провоцировал...

За три дня пути, которые Савелий находился рядом, Лорана его практически возненавидела. И это при том, что при первом знакомстве худощавый молодой человек, который и магистром-то стал не так давно, не вызвал у девушки неприязни. Даже более того, Лорана посчитала этого типа симпатичным!

«Надо же, насколько у некоторых внешность не соответствует внутреннему содержанию!» – в который уже раз за эти дни подумала девушка и поджала губы.

Конечно, о том, что характер у всех некромантов не сахар, она и до этой поездки была наслышана. В конце концов, не первый год в Магической Академии обучается. Но сталкиваться с темными магами и их отвратительным чувством юмора вот так, вживую, Лоране раньше не приходилось. Ведь что общего у элементалистов с трупоедами? Ничего!

Вот и сидела Лорана себе спокойно на кафедре магии Земли да готовилась к магистратуре. Пока несколько дней назад вся ее спокойная жизнь не закончилось.

Нет, сначала, когда магистр Аскарриус сообщил о предстоящей командировке, девушка обрадовалась. Шутка ли – настоящее задание, да не посевы проинспектировать, а боевое! Для такой, как она, – невероятное везение!

Дело в том, что магия Земли среди элементалистов не пользовалась особым уважением. Мирная она слишком, боевых заклинаний там раз-два да обчелся. Так что все адепты к окончанию первого курса мечтали получить на церемонии Посвящения стихии более крутых покровителей: элементалю Огня или Воздуха. Ну, в крайнем случае, Воды. И получив таковых, были безмерно горды собой, ну, и хвастались, разумеется. Как же без того? А вот те, кого во время Посвящения выбирал покровитель магии Земли Меландр, сразу попадали в самый низ элементалистской иерархии и получали презрительное прозвище «агроном».

Поступившая на первый курс Лорана продемонстрировала склонность сразу к трем стихиям: Земле, Воздуху и Огню. Училась она на «отлично», на своем курсе была активисткой. И, разумеется, как абсолютное большинство молодых энергичных адептов строила большие планы на будущую карьеру боевого мага. О том, что из трех возможных покровителей ей достанется Меландр, Лорана даже не задумывалась. Не могло такого произойти! Только не у нее, активной, боевой девчонки!

Поднимаясь на башню факультета Боевой элементалистики, Лорана предвкушала, как небольшого топаза в ее кулончике-артефакте коснется сила Огня. Или Воздуха. И когда

сопровождающие адептов магистры начали призывать четырех элементарей, с нетерпением ждала, когда рядом вспыхнет огненно-красный или золотисто-желтый символ...

Он оказался зеленым.

В первый момент, когда перед подрагивающей от нетерпения девушкой соткался символ Земли, Лорана не поверила своим глазам. Моргнула, растерянно огляделась – мало ли, может, не для нее это выбор, но – увы.

И когда девушка полностью осознала, что надежды и мечты рухнули, в душе все обвалилось.

«Это конец. Конец», – билось в голове Лораны.

Теперь единственное, что ее ждет в жизни, – следить за посевами и ростом урожаев. Нудная, совершенно неинтересная сельская работа без надежды стать боевым магом.

Понуриив голову, Лорана медленно подошла к седовласому магистру кафедры магии Земли Аскарису.

– Не стоит так расстраиваться, Лора, – сказал тогда он, легко поняв причину подавленного состояния девушки. – Зато мантию магистра у нас быстрее получите. Да и профессия наша куда более денежная. А спокойствие – это не так уж и плохо, поверьте старику. Вот жаль только, что вы изначальный Свет в душу не пустили и Проявленной не стали.

Проявленные маги. Вот еще одна неразрешимая и болезненная для Лораны проблема.

Всем известно: изначальную силу – Тьму или Свет – маг для себя открывает при сильнейшем эмоциональном всплеске. Так вот у элементаристов всплеск очень часто вызывался ритуалом Посвящения. Большая часть адептов настолько проникалась торжеством единения с элементом-покровителем, что открывала души истинному Свету. А разочарование Лораны не позволило эмоциям захватить ее настолько сильно.

И это означало, что Проявленным светлым магом девушке не стать еще очень долгое время, а может, и вообще никогда. Ибо эмоции столь же сильные и чистые в обычной жизни практически нереально найти. Да еще и с такой нудной профессией, как у нее.

Вот так, в одно мгновение, звезда факультета, которой все восхищались, стала аутсайдером. Девочкой-агрономом, на которую лучше не обращать внимания. Не престижно.

Но делать нечего, да и сдаваться Лорана не привыкла. Поэтому, стиснув зубы, пошла учиться дальше. Пусть и не боевым магом, но хотя бы магистром она стать обязана! Тем более что магический дар, даже без поддержки изначального Света, у девушки был весьма сильный.

Уже несколько лет Лорана с завидным упорством училась и работала лаборантом у магистра Аскариса, однако со своим положением так до конца и не смирилась. Поэтому когда вдруг пришло известие об обнаруженном практаше и магистр решил взять Лорану с собой, та буквально подпрыгнула от счастья.

Ведь практаш – это чрезвычайно редкое явление! Проклятая земля, побочный эффект от сильного заклинания темного магистра, которая активируется по ночам и пожирает всю живую фауну в зоне своего действия, чтобы себя удобрить. При этом как таковой нежитью практаш не является, ибо по сути остается обычной землей. А значит, ни стандартными боевыми заклинаниями не уничтожается, ни некромантом не изгоняется. Его отрицательную энергетику можно только нейтрализовать.

В общем, именно тот редкий случай, когда для основной работы требуются именно элементаристы, связанные со стихией Земли. А для защиты, силовой и энергетической поддержки Аскарису и Лоране решено было выделить светлого боевого мага – огневика Дамира.

Об этом темноволосом красавце и без пяти минут магистре грезилла большая часть девушек факультета Боевой элементаристики. И Лорана в том числе. Когда Мелисса, един-

ственная оставшаяся за это время у нее подруга, услышала, что Лоране предстоит несколько дней провести в такой компании, тотчас счастливо захлопала в ладоши.

– Лорка-а! Это же твой шанс!

– Ерунда, – смущенно пробормотала Лорана, не желая признаваться, что сама думает о том же. – Такому, как он, такая, как я, даром не нужна.

– Глупости! Ты просто перестала за собой следить и забыла, какая красавица! – фыркнула Мелисса. – А у меня предчувствие! Весна! Красавчик Дамир! В этой поездке ты точно обрешь свою любовь!

И Лорана ей почему-то поверила. Не из-за того, что посчитала, что у подруги – воздушной элементалистки – внезапно открылся дар прорицателя. Просто, наверное, сама слишком долгое время мечтала об этом.

Собирая вещи в дорогу и надевая под балахон новое платье, Лорана впервые за несколько лет пожалела, что остригла в каре некогда длинные, густые темные волосы. Ну да ничего. Все равно поездка будет удачной! Что там, она пройдет замечательно!

В этом Лорана была убеждена до... ну, до самого отъезда точно. И даже когда около дракон-экспресса их неожиданно догнал магистр Савелий.

– Неподалеку от вашего практаша, в соседней деревеньке, сказали, нежить шалит, – коротко пояснил свое присоединение к отряду некромант. – Так что заглянем и туда. Все равно по дороге.

Неожиданная задержка в пути тогда, наоборот, показалась Лоране еще большим везением. Ведь вместо одного боевого задания предстояло целых два, да к тому же время, которое она проведет рядом с Дамиром, увеличилось!

«Не иначе сама богиня женского благополучия Лисса мне улыбнулась!» – решила девушка.

О, как же она ошибалась!

Неприятности начались уже во время полета. Попытки Лораны привлечь внимание Дамира и хоть как-то разговорить оканчивались безуспешно. Отвечал тот односложно и с откровенной скукой. Зато ее действия заметил Савелий, что тут же не преминул прокомментировать.

Его рассуждения об «излишней настойчивости современных девушек» и «назойливых попытках навязать свое общество», высказанные с нарочитым разочарованием, Лорана запомнила на всю жизнь! А ведь этот мерзкий тип под конец еще и поинтересовался у Аскариуса, вели ли себя таким образом девушки в его молодости!

И вот тогда, сгорая от стыда и слушая воспоминания своего куратора о юных стеснительных девах, которыми преувеличенно восхищался магистр Савелий, Лорана поняла: замечательной эта поездка не станет.

Она будет ужасной.

Воспоминания о «любовном пророчестве» подруги теперь заставляли девушку лишь досадливо морщиться. На самом деле, как тут хотя бы попытаться завязать отношения, когда рядом находится не в меру язвительный некромант? И уж он-то, в отличие от Дамира, на любые действия Лораны реагировал сразу!

«Лора, вы так потягиваетесь, словно неделю не спали. Неужели на вашей кафедре такой завал работы?»

«Лора, у вас какая-то навязчивая привычка теребить волосы, даже несмотря на то, что они короче, чем у меня. Это нервы? Я знаю отличные успокоительные средства...»

«Лора, ну откуда Дамир может знать, какая в той деревушке нежить? Не приставайте к человеку, возьмите лучше справочник. Я как раз для тех жителей захватил...»

И ведь пришлось этот демонов справочник взять! А потом, чтобы не вызвать очередных неуместных подколов, продемонстрировать интерес, разглядывая наимерзейшие, тошнотворные изображения!

Но даже эти картинки оказались не столь ужасны, как обнаруженная в деревеньке нежить – крысы-зомби! Крысы!

Лорана, как большинство женщин, крыс ненавидела. От первой же увиденной здоровой хвостатой твари девушка некрасиво завизжала и отпрыгнула за первую попавшуюся мужскую спину. Разумеется, по закону вселенской подлости это оказалась спина Савелия. И разве мог этот темный гад упустить такую возможность поиграть на ее слабости?

Нет, в конце концов всю нежить некромант, конечно, уничтожил. Но до этого несколько часов он этих крыс изучал. И не просто наблюдал за ними, а ловил, не упуская ни единой возможности продемонстрировать пищащих уродцев Лоране! Почему именно ей?

«Лора, вы так заинтересованно разглядывали справочник по видам нежити, что я просто не могу не продемонстрировать вам эти изумительные образцы вживую!»

Обманчиво заботливый голос Савелия и откровенно издевательская улыбка на его губах доводили элементалистку до кипения. При этом Лорана никак не могла понять, за что ей такая кара? Неужели только потому, что она женщина? Неужели этот некромант в принципе женщин ненавидит?

Не выдержав очередной подколки, Лорана даже высказала это предположение Савелию в лицо.

– Ненавижу женщин? Отнюдь, – мгновенно опроверг магистр. – Например, длинноволосые блондинки мне нравятся, и даже очень.

От столь недвусмысленного намека на ее каштановое каре щеки Лораны гневно вспыхнули. Ведь он это специально сказал! В очередной раз именно для того, чтобы позлить ее!

После этого Лорана решила вообще перестать обращать на ненавистного блондина внимание. Правда, делать это, одновременно разговаривая с кем-то еще, оказалось весьма трудно, и в результате девушка вообще замолчала.

Молчала она и всю дорогу вплоть до высадки у развилки. Так же, молча, проводила взглядом отъехавшую телегу обещавшего забрать их отсюда завтра после обеда селянина и двинулась по заросшей травой дороге.

Ну почему этот демонов некромант решил сопровождать группу после уничтожения деревенской нежити? И без него бы справились! Тем более что некроманту практаш не по зубам. Зато элементалист землю хорошо под контроль берет – для него эта стихия родная, своя.

Вот и сейчас, чувствуя, как все вокруг буквально лучится энергией и жизнью, девушка невольно улыбнулась, хотя и понимала, что столь буйный рост во многом вызван «работой» практаша. Несмотря на то что она по-прежнему не особо радовалась выбору покровителя, природу Лорана любила.

– Приятно видеть, что ваше настроение наконец-то улучшилось, – доброжелательно отметил магистр Аскарбус.

Пожилой куратор не единожды за эти дни пытался отвлечь Лорану от излишне эмоциональной, по его мнению, реакции на слова Савелия. И девушка понимала, что в принципе, если глядеть на ситуацию со стороны, Аскарбус прав. Однако не объяснять ведь старику прилюдно, что Лоране необходимо пообщаться с Дамиром, а Савелий не дает ни единой возможности это сделать.

Девушка с досадой куснула губу, но потом решительно потрянула головой, прогоняя плохие мысли, и откликнулась:

– Оно не могло не улучшиться. Ведь здесь намного лучше, чем в той деревеньке с кучей крыс-зомби. Воздух свежий, природа...

– Лора, вы с таким обожанием на эту природу смотрите, словно идете не уничтожать практаша, а подкормить его, – тут же язвительно отметил магистр Савелий.

От слов некроманта у Лораны на мгновение аж дар речи пропал.

– Что-о?! – взвилась она, мгновенно забыв о собственном решении этого типа игнорировать. – Да как вы только предположить подобное могли?!

– А что еще можно предположить, наблюдая за вашей очаровательной улыбкой и влюбленно-мечтательным взглядом, направленным на отождествившиеся благодаря практашу растения? – Савелий хмыкнул. – Хотя о чем это я? Конечно, ведь вам по профессии полагается выискивать удачные подкормки, а из покойников они весьма неплохи...

– Прекратите! – не выдержала Лорана. – Я просто люблю природу! И моя профессия не настолько мерзка и отвратительна, как ваша! – выдохнула она под конец.

Правда, к изумлению девушки, гневная тирада вызвала на губах Савелия лишь улыбку.

– Отвратительна? Чем же? – с любопытством уточнил магистр. – Мы ведь оба копаемся в земле. Только вас интересует флора, а меня фауна.

– Дохлая фауна! – брезгливо поправила она.

– Это детали, – беспечно отмахнулся некромант. – Кстати, ваша флора тоже жива лишь условно.

– Условно? – Лорана вновь не сдержала возмущения. – Да растения дышат, растут, они... – Девушка осеклась, видя, что Савелий даже не вслушивается в перечисляемые ею аргументы.

«А ведь ему действительно наплевать на мои слова, – внезапно поняла Лорана. – Этот тип просто методично выводит меня из себя». Но почему?

– Вам что, доставляет удовольствие надо мной издеваться? – выдохнула она, ожидая хотя бы минимальных извинений или оправданий в ответ.

Однако Савелий лишь развел руками и спокойно подтвердил:

– Да.

От такой откровенной наглости девушка открыла рот, а с губ сорвалось растерянное:

– Но почему?!

В глазах магистра промелькнули смешинки.

– Вы забавно на это реагируете, – сообщил он и, подмигнув, ускорил шаг.

Развлекается! Этот демонов некромант с ней попросту развлекается от скуки!

– Вы ужасный, жуткий, циничный, отвратительный тип! – не выдержав, зло выкрикнула Лорана ему в спину.

– Не нужно, дорогая, – магистр Аскариус, успокаивая, сжал ее руку. – Для него это не оскорбления, а комплименты. Одно слово – некромант.

Небольшой пролесок маги миновали в молчании и буквально через четверть часа вышли к заброшенной деревне. Точнее, к тому, что осталось от нее за год буйства практаша. Pokосившиеся заборы и дома здесь почти полностью скрыл цепкий плющ, а дороги лишь угадывались под шелковистым ковром изумрудно-зеленой травы.

Во всей округе не слышалось ни птички, ни сверчка, только шелест листьев. Хотя это как раз и понятно: практаш сожрал все, до чего смог дотянуться.

– Хорошо, что эта сволочь оживает лишь по ночам, – пробормотал вполголоса Дамир. Видимо, тоже впечатлился.

А вот магистр Аскариус, напротив, разглядывал деревню с самым заинтересованным видом.

– Странно, – наконец изрек он. – Практаш занимает слишком большую площадь. Учитывая рассказы деревенских о том, что народа здесь погибло немного, а большей части удалось уйти, изначально он был куда меньше.

– Отъелся за год? – выдвинул версию Савелий.

Лорана с удивлением заметила, что вид у некроманта впервые за все их путешествие стал серьезный и собранный. Даже свою нежить он ловил с более равнодушным видом.

– Именно, что отъелся, – подтвердил пожилой куратор. – Вот только на чем? Неужели в этих лесах водится столько крупного зверья?

– Вряд ли. Скорее, его кто-то подкармливал, – мрачно откликнулся Дамир.

Лорана вздрогнула. Она слишком хорошо знала особенности жизнедеятельности практаша, чтобы не понимать: жуткое предположение темноволосого элементариста было самым логичным объяснением.

– Я могу проверить, – предложил Савелий. – Пройдусь по округе, поищу следы мертвецов. Час-другой, и будем знать, кто здесь погибал и в каком количестве.

– Это хорошая мысль, – магистр Аскаринус согласно кивнул. – А я пока зачарую нам какое-нибудь жилище для ночлега. Чувствую, возни с этим практашем предстоит много, сегодня можем и не управиться. Дамир, пойдем со мной, поможешь, если что. Здешние дома изрядно покосились, старику в них пробраться проблемно. Лора, – он повернулся к девушке, – пройди с Савелием, посмотри границы проклятой земли. Нам надо определиться, сколько сковывающих меток ставить.

– Я? – Лорана растерянно посмотрела на своего куратора. Перспектива прогулки с некромантом ее совсем не радовала. – Но...

– Пойдемте, Лора, – с улыбкой прервал ее Савелий. – Или вы хотите заставить пожилого человека бегать по всем этим ухабам и буеракам?

– Нет, разумеется. – Девушка сердито выдохнула и, не глядя на некроманта, пошла вперед.

Свою работу она выполнит. Даже несмотря на присутствие рядом этого язвительного блондина. И вообще...

– Лора, нам в другую сторону!

Насчет ухабов Савелий оказался прав: по всей округе земля бугрилась, словно вспаханная огромной мотыгой. Лорана знала, что где-то там, в глубине, разрастаются огромные корни.

В общем, идти и впрямь было трудно. За густой высокой травой все эти буераки сложно было разглядеть, так что девушка довольно часто то спотыкалась, то норовила провалиться в рыхлые ямы. И, как ни неприятно ей было признавать, от растяжений или, того хуже, переломов ее спасал лишь Савелий. Демонстрируя неплохую реакцию, некромант умудрялся каждый раз поддерживать Лорану, а пару раз и вовсе подхватывал на руки.

Делал он это, кстати, осторожно, так, словно и впрямь беспокоился. Вот только сопровождал свои действия язвительными высказываниями по поводу неуклюжих, засидевшихся в лаборатории девиц, напроць убивая даже зачатки романтизма ситуации. При этом сам Савелий, что удивительно, шел, словно по ровной дороге.

«А земля его любит», – с легкой завистью и неожиданной ревностью констатировала девушка. Стало обидно, что некромант на земле лучше себя чувствует, чем она, элементаристка. А после того, как вспомнилось его самоуверенное утверждение о том, что их профессии во многом схожи, Лорана и вовсе прикусила губу от злости. И от досады на полученное подтверждение, что это действительно так. Короче говоря, все изначальные планы Лораны о том, что на Савелия она внимания обращать не станет, не оправдались.

Однако чем дальше они шли, тем больше некромант хмурился, а язвительные подколки звучали все реже и реже. И от этого Лоране неожиданно стало неудобно. Теперь ей даже хотелось, чтобы Савелий вновь стал тем несносным типом, каким она за эти дни привыкла его видеть. Так девушка хотя бы знала, что все в порядке. А теперь, когда после очередной поддержки некромант не произнес ни слова, Лорана не выдержала. Осторожно коснулась его руки и тихо спросила:

– Все настолько плохо?

– Да. – Коротко, без единой смешинки в глазах ответил Савелий. – Мертвецов здесь не пара-тройка человек и даже не десяток. Их намного больше, Лора. Намного. Причем неупокоенных, погибших насильственной смертью. Такое напряжение темной энергетики не на каждом кладбище встретишь.

Лорана испуганно сглотнула.

– Но откуда? – пробормотала она. – Неужели практаша и впрямь кто-то кормит?

Ответить некромант не успел. На противоположном конце деревни что-то грохотнуло, а потом в воздух взвилось яркое пламя.

– Дамир! – испуганно воскликнула Лорана и рванулась было в ту сторону, однако тотчас была перехвачена за талию и остановлена.

– Куда несешься, дура? – рыкнул Савелий. – Думаешь, он просто так, что ли, «Перо феникса» использовал? Заклинание слишком энергозатратное для локального боя! Это сигнал об опасности для нас, и самое последнее дело после такого предупреждения – бежать туда с воплями!

– Но там же... им, может, помощь нужна... – Лорана запнулась, осознав, что некромант прав.

– Нужна, – мрачно подтвердил он. – Только прежде тебе следовало бы подумать, какую пользу опытному маистру и боевому магу может принести цветовод-недоучка. Если уж они не справились.

– Я, между прочим, тоже далеко не первокурсница, – огрызнулась Лорана обиженно, но спорить не стала. Вместо этого уточнила: – Так что делать будем?

– Осторожно посмотрим, что там случилось, – проговорил Савелий и строго посмотрел на Лорану. – Но для начала ты мне пообещаешь вести себя тихо и делать только то, что говорю.

Девушка напряженно кивнула. Перечить куда более опытному магу было глупо.

Удовлетворенный ответом, тот взял элементалистку за руку и двинулся к покосившимся домикам.

Вечернее солнце еще было достаточно высоко, но тени уже стали куда гуще и длиннее. Возможно, именно поэтому им удалось пройти по деревне незамеченными. А быть может, и Савелий какую-то дополнительную маскировку набросил. Лорана ее не чувствовала, но это было и не важно. Главное, что шли они быстро и ни с кем по пути не столкнулись. Зато чем ближе подходили к месту недавней вспышки, тем отчетливее слышали мужские голоса. Чужие голоса.

– Дюк, кажись, ты этого огневика не до конца пристрелил! – подходя к одному из домов, внезапно услышала Лорана и замерла. – Аксель, добей его, что ли, заклинанием!

– На кой демон? Он все равно не жилец, – лениво откликнулся кто-то. – Как и этого дохлого старика, колдунишку сожрет практаш.

Лорану пробил холодный пот. Это что же, магистр Аскаринус... убит? Да что происходит?!

Выглянувший в это время за угол Савелий коротко ругнулся.

– Что там? – шепотом спросила девушка и тоже выглянула.

И едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. В небольшом дворе перед домом полукругом стояло несколько человек в кожаной, прошитой стальными пластинами одежде. Разбойники были вооружены: кто-то мечами, кто-то сжимал в руках лук.

А на почерневшей от копоти земле лежали два окровавленных тела: куратор Аскарриус и Дамир. Было видно, что пожилого магистра как более опасного расчетливо убивали первым – его буквально наспиговали стрелами. Видимо, били из засады, так, что маг, который большую часть жизни провел в лаборатории, просто не успел ничего предпринять.

Молодому элементалисту «повезло» чуть больше. Во всяком случае, стрел в нем было всего три. Но находился Дамир без сознания и, судя по тому, что недавно услышала Лорана, от покойника уже мало чем отличался.

– Пресветлая богиня! – выдохнула девушка, чувствуя, как глаза защипало от подступающих слез.

– Пес с ними. Давайте уже, тащите добычу, и пойдемте в дом, – тем временем хрипло произнес один из разбойников, видимо, старший. – Времени до заката осталось мало. Шевелитесь, если не хотите, чтобы и вас сожрали!

После этих слов Савелий резко дернул девушку в тень, к заросшей плющом стене, а через пару мгновений мимо них прошли двое разбойников. Прижавшись к некроманту, Лорана провожала их взглядом, не в силах пошевелиться от накатившего страха и жуткого осознания: а ведь разбойники устроили замечательную сокровищницу! Никто из местных жителей в здравом уме не сунулся бы на проклятую землю, да и от свидетелей легко можно избавиться, попутно подкармливая практаша. Вспомнив, что говорил Савелий о неуспокоенных душах, Лорана вздрогнула. Ведь все те люди умирали в страшных муках!

– Ты помнишь, что мне обещала? – тихий, но жесткий голос некроманта вывел ее из ступора.

Сглотнув подкативший к горлу ком, элементалистка коротко кивнула.

– Тогда ни на шаг от меня не отходи, что бы ни увидела, – потребовал Савелий. – Будет совсем страшно – закрой глаза, но не шевелись.

В следующий миг в его руках блеснул небольшой кинжал. Одним неуловимым движением некромант рассек себе запястье, и воздух вокруг подернулся холодным белесым туманом. А потом бесцветно, грозно произнес:

– *Occidit, spiritus autem clamor! Mea est ultio, et praesta!*

И с последним словом заклинания по спине Лораны прокатилась волна панического страха, а клочья тумана обрели смутные очертания людей.

Призраки! Десятки призраков, призванных к собственным убийцам.

От раздавшегося воя усопших в жилах стыла кровь. Расширенными глазами Лорана смотрела, как призраки в едином порыве метнулись к разбойникам. Те выхватили мечи, но отбиться от бестелесной нежити обычным оружием было невозможно. А мертвецы, одержимые лишь ненавистью и жадой мести, со всех сторон тянулись к бывшим мучителям, раздирая их в кровь, лишая жизни...

Не в силах выдерживать жуткое зрелище, девушка зажмурилась и закрыла руками уши, но это не помогало. И тут по земле неожиданно прошла дрожь, словно из глубины поднималось нечто огромное.

«Практаш? – мелькнула в голове Лораны страшная догадка. – Но почему? Ведь солнце еще не село! Неужели большое количество крови спровоцировало...»

Додумать она не успела: земля под ногами разверзлась, и их с Савелием обхватили колючие мощные корни.

«Неужели это конец?»

– Нет!

От сильнейших эмоций в ней что-то изменилось. Мир вокруг внезапно замер, а Лорана увидела вокруг мягкое сияние изначального Света и где-то там, на границе, мерцание изначальной Тьмы.

Выбор? Ее выбор? Сейчас она может стать Проявленной светлой... а потом погибнуть.

«Какая насмешка судьбы, – проскользнула горькая мысль. – Ну, хотя бы умру Проявленной...»

Внезапно Лорана вспомнила: ведь практаш – порождение темного элементалиста, темного мага Земли. Будь она темной, практаш бы ее услышал, и, возможно, этого бы хватило, чтобы хотя бы ненадолго взять проклятую землю под контроль. На несколько минут, только добраться до зачарованного, безопасного дома...

Но стать ради этого шанса темной?

Болезненное решение, ведь темных магов не любят все. Однако принять Свет и просто погибнуть Лорана не могла. В душе она всегда оставалась бойцом, даже несмотря на несколько лет бездействия и заверения куратора Аскарюса, что к спокойствию привыкаешь. Лорана так и не привыкла. А еще она очень хотела жить. Поэтому спустя мгновение открыла глаза, в которых мерцала изначальная Тьма.

Дальнейшие события разворачивались с невероятной быстротой. Вой нежити, крики разбойников, терзающий их практаш – все слилось в единый кошмар. И в центре этого кошмара она, сквозь боль от впивающихся в кожу шипов судорожно выплетающая когда-то давно вычитанное заклинание «Темного Зова». Заклинание, которое Лорана хотя по роду профессии и знала, но никогда не предполагала использовать.

И он услышал!

Сдавившие ее корни практаша дрогнули, смертельная хватка ослабла, и девушка почувствовала, что падает. Правда, почти тотчас ее подхватили знакомые мужские руки.

– Не смогу долго сдерживать, – одними губами прошептала Лорана, сдавливая виски и изо всех сил стараясь сохранить контроль над проклятой землей.

Ее поняли сразу и вскоре уже вносили в ветхий, но зачарованный защитными заклинаниями дом.

– Еще немного постарайся, малышка, – шепнул на ухо Савелий, а потом вновь исчез на улице.

И она старалась. Ради него и ради того, кого пытался спасти некромант.

Только после того, как дверь хлопнула во второй раз и прозвучали его слова: «Все, Лора. Можешь отпускать», девушка разрешила себе расслабиться.

Голова пульсировала болью, расцарапанная шипами практаша кожа саднила, во рту чувствовался солоноватый привкус крови – видимо, от напряжения она прикусила губу. Однако по сравнению с жизнью все это такие мелочи!

Лорана глубоко, нервно вздохнула и огляделась. Они находились в полупустой темной комнатухе. За окном бушевал практаш. А вот призраков не было – видимо, после свершенного отмищения нежить вернулась туда, откуда пришла. Что ж, значит, они и впрямь в безопасности. Вот только...

Взгляд девушки упал на склонившегося над Дамиром Савелия.

– Он умрет, да? – дрожащим голосом спросила она.

– Нет. Все в порядке будет с твоим Дамиром, – устало проворчал некромант. – Особенно если ты перестанешь паниковать и поможешь.

Разумеется, Лорана помогла. Сначала вытаскивать стрелы, а потом перевязывать раны Дамира, сжимая губы добела и пересиливая страх перед чужой кровью.

Элементалист выглядел ужасно и почти не дышал. Порой девушке даже казалось, что Дамир уже умер. Только заверение Савелия в том, что тот будет жить, хоть немного ее успокаивало.

А потом наступила ночь. И хотя Лорана знала, что защита оградит их от опасности, нервы ее оказались слишком измотаны. Тело пробрала мелкая дрожь. Девушка обхватила колени руками, стараясь окончательно не сорваться в запоздалую истерику.

– Лора.

Успокаивающий голос Савелия прозвучал совсем близко. Некромант сел рядом и, не спрашивая, притянул девушку к себе. Лорана вздрогнула, а потом испуганным комочком прижалась к нему и, едва ощутив обнимающие теплые руки, благодарно всхлипнула. В последней попытке попыталась сдержать слезы, но безуспешно – те, вопреки усилиям, расчертили на щеках влажные дорожки.

– Все хорошо, девочка, – глядя ее по голове, тихо произнес Савелий. – Ничего не бойся, я рядом. И поплачь, сейчас можно. А завтра успокоишься, придешь в себя и снова будешь меня ненавидеть.

Лорана хотела возразить, но рыдания буквально душили. Поэтому она просто продолжала жаться к мужчине, в объятиях которого чувствовала себя в безопасности. Слушать тихий, умиротворяющий голос, чувствовать, как мягко, едва касаясь, его губы скользят по ее виску...

В какой-то момент измотанная переживаниями элементаристка уснула. К счастью, без сновидений.

Следующие дни были тяжелыми. Всю обратную дорогу Дамир практически не приходил в себя, и то, что он вообще оставался жив, Лорана вплоть до возвращения в Магическую Академию считала чудом. Только там, уже у целителей, ей рассказали о способности некромантов «отсрочить» смерть на несколько дней при помощи заклинания. И подтвердили: без вмешательства Савелия Дамир бы действительно погиб.

Савелий... вот еще неожиданный повод для переживаний. Странное, изменчивое поведение некроманта никак не давало Лоране покоя. Ведь, казалось бы, всю дорогу до проклятой земли магистр над ней издевался, но стоило случиться беде, и его словно подменили. Воспоминание о теплых руках и легком касании губ с каждым днем мучило Лорану все сильнее. Особенно по ночам.

Однако некроманта девушка теперь практически не видела. Сначала была занята на осиротевшей без куратора кафедре, да и Савелий словно сам избегал встреч, не появляясь даже в общей столовой. Потом Лорану и вовсе определили в новый, усиленный гвардейцами отряд по уничтожению практаша.

А когда девушка вернулась, ее ждал Дамир. Темноволосый элементарист встретил ее у кафедры с букетом цветов, благодарностью и предложением куда-нибудь сходить вместе. Но если еще буквально месяц назад Лорана была бы на седьмом небе от счастья, то теперь, глядя на недавнюю мечту, вдруг окончательно поняла, что нужно ей совсем другое.

– Спасибо, Дамир, но как-нибудь в другой раз, – отказалась она, пытаясь найти повод для оправдания. – Я... занята. Мне нужно... нужно помочь кое-кому. Извини.

И, стараясь не думать о том, что делает, отправилась туда, куда стремилась уже давно. На факультет Некромантии.

Савелий нашелся в одной из подвальных аудиторий не самого приятного вида. Без окон, с земляным полом и кучей шкафчиков с заспиртованными образцами какой-то нежити. Увидев замершую на пороге элементаристку, он вопросительно приподнял брови и подошел.

– Лора? Что-то случилось?

– Нет, – Лорана мотнула головой, а потом нерешительно промямлила: – Я просто шла мимо и... тебе помочь не нужно?

– Помочь? – На лице Савелия отразилось искреннее недоумение. – Чем?

– Ну, ты ведь говорил, что наши профессии сходны. Вот я и подумала... – Девушка замолкла, чувствуя себя совсем глупо.

Подумать только, прийти самой! Без подготовки и даже минимального плана действий! О чем она только думала?

«Я точно заболела или сошла с ума», – поняла Лорана, а потом вздрогнула от неожиданно обхвативших плечи теплых, заботливых рук.

– Лора, у тебя все в порядке? – с беспокойством уточнил Савелий.

И она, не выдержав взгляда некроманта, опустила голову.

– Нет. Да. Я... если честно, сама не знаю, почему пришла, – выдавила Лорана. – Я не блондинка, и волосы у меня короткие. К тому же ты не любишь навязчивых...

Мужские пальцы легко коснулись ее губ, заставляя замолчать, а потом скользнули к подбородку, приподнимая лицо.

– Ну почему же, – склоняясь к ней, неожиданно мягко прошептал Савелий. – Одну, как оказалось, все же люблю.

Королевская сваха (Екатерина Рысь)

В тот день регент Виттен рю Мальвей пребывал в очень плохом настроении. Новые туфли лорда немилосердно жали, любимая ручная крыса Шишечка хворала, а министры, и в обычные дни не отличавшиеся расторопностью, вели себя так, будто нахлебались воды из мутной лужи и разом занемогли желудками.

И, конечно же, его высочество принц Иллиан совсем не стремился облегчить жизнь своему опекуну и по совместительству родному дяде. Какое там! В этот раз сквернавец постарался от души: еще не позавтракав, неугомонный довел пятерых девиц до обморока, трех дам в самом расцвете сил – до слез и одну почтенную матрону – до истерического припадка. Теперь жертвы пакостника косяками шли к регенту с жалобами и требованиями примерно наказать юного негодяя, а виновник переполоха знай себе грыз фисташки и в ус не дул.

Лорду-регенту очень хотелось заскрипеть зубами, но это было крайне некуртуазное, низкое желание. Приходилось сдерживаться, напоминать себе об ответственности перед подданными и необходимости держать лицо. Самогипноз помогал слабо – сидящий напротив него племянник одним своим видом вызывал в рю Мальвее праведный гнев и яростное негодование.

Его высочество безмятежно улыбался, лениво покачивал ногой в начищенном до блеска сапоге и ни в чем не раскаивался! Тяжелые взгляды опекуна не производили на Иллиана ровным счетом никакого впечатления. «Ни стыда, ни совести, – мрачно подумал рю Мальвей и почесал крысе Шишечке животик. – Весь в отца! Разврат, дурманная трава, вальсы!»

– Зачем, – спросил наконец регент, осознав, что грозные взоры не оказывают на принца желаемого воздействия, – прилюдно навел ты на алету Торию оголительные чары? Репутация девы погублена, и семья ее требует возмездия!

Крыса пискнула и дернула лапкой. Принц, оглядев насупившегося дядюшку, засиял. У рю Мальвее разом заныли все – даже вставные! – зубы.

– Вот это новость! – прижал ладонь к сердцу престолонаследник. – У алеты Тории была репутация? Не знал!

Лорд-регент побагровел. В висках у него застучало – очередная мигрень давала знать о своем скором приближении.

– Тупица! – сдержанно рявкнул рю Мальвей, и Шишечка, не любившая громких звуков, страдальчески пошевелила хвостиком. – Отвечай как следует! Давно у нас в королевствах восстаний не случалось – так послали боги подарочек!

Принц заломил бровь и сделал вид, будто оскорбился.

– За что вы так со мной, дорогой дядюшка? – чуть дрогнувшим – от смеха! – голосом спросил он. – К чему кричать? Даже ваш хомячок перепугался, что уж говорить обо мне!

Если бы лорд-регент был драконом, он бы в этот момент не выдержал и чихнул на Иллиана огнем. Прицельно, чтоб уж наверняка изничтожить в пыль. С политической точки зрения такой поступок, конечно, был неприемлем, с экономической тоже, но чисто по-человечески... Несколько сладких секунд Виттен рю Мальвей представлял себе потрескивающие головешки на месте своего племянника, а потом с неохотой вернулся в суровую действительность.

Действительность сидела напротив него, гнусно усмехаясь, и сплевывала в раритетный письменный прибор фисташковую скорлупу.

– Шишечка – крыса! – прохрипел регент, узрев такое непотребство. – Дордонская длинношерстная!

Принц в безмолвном удивлении поднес ко рту пальцы – мол, неужели? Не может быть! В глазах юноши плясали чертики.

Рю Мальвей с трудом вдохнул, потом медленно выдохнул – ему остро захотелось прибегнуть к крестьянским методам воспитания и самолично отхлестать царственного отрока розгами. Свою крысу регент любил нежной любовью – в конце концов, это было единственное существо при дворе, которое не умело кляузничать и интриговать! – и Иллиан о чувствах дядюшки был хорошо осведомлен.

Паршивец.

Лорд Виттен невероятным усилием воли подавил свое раздражение, поднялся с кресла и заложил руки за спину.

– Свидетели утверждают, – процедил он, возвращаясь к теме дня, – что у вас с алетой Торией случился разговор, во время которого ты использовал свой магический талант неподобающим образом, оставив собеседницу без одежды. Девушка голышом бежала по оживленной замковой галерее, пока не догадалась спрятаться в шторах. Я мог бы в целом понять твоё желание увидеть даму в, кхм, натуральном ее виде. Но чтобы так? Это скандал. Учитывая связи и влияние отца пострадавшей – государственных масштабов.

– Так она сама меня попросила! – развел руками Иллиан, ухмыляясь. – Подошла, вее-ром по руке шлепнула и говорит – мол, жарко мне, ваше высочество! Остудите телесный огонь мой, ибо изнываю! Не мог же я отказать даме?

Лорд-регент прикрыл ладонью глаза. Всякому при дворе было известно, что алета Тория если от чего и изнывала, так это от желания выгодно выйти замуж. Отчасти рю Мальвей даже восхищался ее упорством и способностью идти ва-банк – решительность в людях в целом и женщинах в частности он считал качеством привлекательным.

Методы девушки, конечно, оставляли желать лучшего, но и того, что сотворил с ней Иллиан, она не заслуживала. Шутки его высочества из просто вредоносных становились жестокими, и с этим надо было что-то делать.

– Одна глупость, – с ядом в голосе произнес регент и подошел к окну, – многие беды. Сломал алете Тории жизнь, едва не разжег мятеж, обеспечил наш род кровными врагами на несколько поколений вперед и вдобавок выставил себя полным дураком. Поразительно! Не правда ли, Шишечка?

Иллиан в кои-то веки промолчал, зато крыса согласно пискнула со своей подушки, и рю Мальвей потер пальцами виски, отгоняя нарастающую головную боль.

Каким-то неведомым способом принцу всегда удавалось вывести его, человека вполне хладнокровного и рассудительного, из равновесия – проклятый мальчишка будто чувал, что способен разозлить «дорогого дядюшку».

Проказы и каверзы наследника престола не поддавались счету. Инсценировка ограбления в сокровищнице. Три таракана-альбиноса в тарелке иностранного посла. Кошка в подарок на сорокалетний юбилей – «чтобы Шишечке было не скучно, дядя!». И вот теперь – обнаженные прелести алеты Тории посреди наполненного людьми зала.

И ни разу еще юный негодяй не понес наказания за свои дерзости! В детстве рано осиротевшего Иллиана все жалели и баловали, а, повзрослев, принц быстро осознал все преимущества своего положения. Будущему королю все можно, все дозволено.

Взгляд регента остановился на старинном гобелене, который с незапамятных времен украшал стену королевских покоев. На потемневшей от времени ткани был вышит девиз правящего рода. «Отмщу!» – гласила незамысловатая надпись, и лорд Виттен внезапно прищурился – в голову ему пришла мысль, и была она такой изумительно коварной, что уже набирающая силу мигрень даже поутихла, присмирела.

– Не преувеличивайте, дядюшка, – нарушил затянувшуюся тишину Иллиан. – Если хотите, я перед алетой могу извиниться. Письмом. Или даже сам схожу как-нибудь попозже. Наверное.

«Отмщу!» – с неприличным в его возрасте злорадством повторил вдруг про себя рю Мальвей и едва удержался от того, чтобы не потереть в предвкушении руки.

– Стыдись, – сказал он вслух и повернулся к племяннику спиной. – От всех этих непо требств у меня начинается мигрень, и ты, как и всегда, тому виной. Будь готов – с рук тебе это не сойдет!

Принц хмыкнул и вскочил на ноги, даже не удосужившись изобразить приличествующее случаю раскаяние.

– Конечно, дядюшка, – поклонился он и шустро попятился к выходу.

Щелкнула, закрываясь за юным шутником, дверь, всколыхнулись от слабого сквозняка оконные занавеси. «Веселишься, племянничек? – подумал регент не без удовольствия. – Думаешь, отделался строгим внушением? Обожди же. Хорошо смеется тот, кто смеется последним!»

* * *

– Капризы и своеволие, – поглаживая крысу по пушистому пузу и обдумывая все детали своего плана, бормотал час спустя лорд Виттен, – и какой из него выйдет король? Беда для страны, а не правитель. Так что тут у нас, Шишечка, даже не простая пошлая месть, а натуральная профилактика государственных неурядиц! Принца уже не переделать, но...

Крыса заинтересованно подняла усатую мордочку и обнюхала пальцы своего хозяина.

– Но я его женю, – продолжил посвящать грызуна в свою блестящую интригу рю Мальвей. – И принцессу подберу боевитую, с характером. Направо махнет – пощечина, налево – подзатыльник! И королевству подспорье, и принцу головная боль, и тебя никто больше хомяком не обзовет – не до того будет. Да, моя прелесть? Решено?

Шишечка встала на задние лапы, скакнула лорду-регенту на руку и что-то тихо проверещала.

– Решено! – подтвердил довольный интриган. – Зовем королевскую сваху!

* * *

Долгожданная гостя приехала в замок три дня спустя, и почти сразу же лорд-регент понял, что сделал правильный выбор. Алета Лазария, прозванная при дворе Королевской Свахой и Холостяцкой Погибелью, произвела на него воистину неизгладимое впечатление.

Лорд Виттен ожидал увидеть существо суетливое, хихикающее и несколько вульгарное – иной, по его представлению, сводня быть не могла. Но в кабинет, решительно отодвинув в сторону слугу, ворвалась не женщина – ураган в юбке. Высокая и статная, она воинственно глянула на оторопевшего рю Мальвея и присела в строгом реверансе.

– Вдовствующая баронесса рю Штольд!.. – возмущенно пискнул из-за ее спины камердинер. – Прибыла по вашему распоряжению, ваша светлость!

– Весьма рад, – улыбнулся регент и радушно повел рукой в сторону кресел. – Не желаете ли отведать кофию?

Женщина выпрямилась, расправила плечи и так сурово глянула на рю Мальвея, что тот от неожиданности даже вздрогнул. Подобным образом с лордом смела обращаться лишь его собственная матушка, и от незнакомой и не особенно родовитой дамы столь вопиющей непочтительности регент никак не ожидал.

– Не будем тратить время на пустую болтовню, – низким, чуть хриплым голосом командовала матрона и деловито открыла толстый блокнот. – Кого женим? Имя и возраст, привычки и слабости, таланты и извращения?

Рю Мальвей поперхнулся. Крыса Шишечка спрятала голову между лапок.

– Никаких извращений, – со сдержанным негодованием отозвался регент: в его роду подобное не практиковалось. Иллиан, может, и был неразборчивым в средствах мальчиком, но все его безумства носили традиционную направленность. Пока.

– Это вы так думаете, – прищурилась между тем бесцеремонная сваха. – Опыт подсказывает мне другое. На свадебном рынке добродетель – это лишь хорошо замаскированный порок!

Лорд Виттен удивленно приподнял брови: неужели?

– Да-да, – подтвердила алета твердо. – Проверено на практике. Все мы ангелы до свадьбы и бесы – после! Сначала поцелуй и признания, а вот потом...

– Что? – с некоторым даже интересом подался вперед рю Мальвей, за свои сорок с лихом лет так и не удосужившийся обзавестись супругой. – Что потом?

Алета Лазария подняла вверх пальчик и угрожающе сверкнула темными очами.

– Пытка длиной в жизнь! – торжественно объявила она. – Разногласия, несходство характеров, ссоры, нехватка средств на пудру, одеколон и бриллианты, любовницы и любовники, ненависть, припорошенная этикетом, – вот он, королевский брак. Так что я вас предупредила. Я честная сваха.

Лорд-регент вспомнил наглое лицо собственного племянника, фисташки в раритетном письменном приборе, моральное унижение, которому подверглась несчастная Шишечка, – и возликовал. Определенно, все гениальное просто. Одним махом он, рю Мальвей, поставит племянника на место и заключит выгодный политический союз – чем не причина для гордости!

– Великолепно! – воскликнул регент и, схватив алету Лазарию за руку, пылко поцеловал затянутые в перчатку пальчики. – Это именно то, что нужно! Я рассчитываю на вашу помощь, госпожа рю Штольд. Плачу по-королевски!

– Так вы не себе ищете жену? – сразу догадалась дама.

Лорд Виттен растянул губы в мрачной улыбке.

– Записывайте! – приказал он. – Цель – его высочество принц Иллиан рю Мальвей. Возраст – семнадцать лет, цвет волос – черный, характер – премерзкий...

Королевская сваха хмыкнула и принялась за работу. Листы из белой бумаги, на которой были оттиснуты гербы Дома рю Штольд, с устрашающей скоростью начали заполняться пометками и схемами.

«Ну, Иллиан, держись!» – ехидно скалился регент, раскрывая Холостяцкой Погибели сокровенные секреты своего племянника.

* * *

– Итак, – сказала на следующее утро алета Лазария, – я просмотрела свои архивы. Новости хорошие. У меня есть соответствующая всем вашим требованиям кандидатура. Вы будете довольны – она ужасна.

На улице стоял прекрасный летний денек, и обсуждение важных государственных дел лорд-регент несколько легкомысленно решил совместить с завтраком на свежем воздухе. Слуги, перемигиваясь, накрыли столик на балконе.

Лорд Виттен и баронесса вольготно расположились в креслах, наслаждаясь хорошей погодой и омлетами, крыса Шишечка обнюхивала свою личную тарелочку. Деликатно звя-

кали о тонкий фарфор серебряные ложки, ветер теребил прозрачные занавеси на окнах. Пахло кофе и апельсинами.

– Она принцесса? – уточнил рю Мальвей и положил себе малинового джема. – Сами понимаете, мадам, политика превыше всего.

– Род девушки корнями своими уходит в глубокую древность, – безмятежно отозвалась алета Лазария, – а земли ее отца граничат с вашими. Удачно, не правда ли?

Лорд-регент удивленно приподнял бровь: он не мог припомнить ни одной мало-мальски взрослой наследницы, которая проживала бы по соседству. Близлежащие страны были переполнены принцами всех видов и мастей, и наличие свободной и знатной невесты в условиях такой жесткой конкуренции никак не могло остаться незамеченным.

Впрочем, Королевская Сваха прославилась своей почти нечеловеческой способностью устраивать сложные династические браки. На счету ее были десятки заключенных союзов, и, по слухам, ни разу железная алета не промахнулась и не выпустила жертву из своих цепких когтей. Князи и королевны, цари, ханы и даже один император – для дамы рю Штольд, казалось, не существовало слова «невозможно». Кому, как не ей, отыскать неподалеку нужную девицу королевских кровей?

– Здорова ли, э-э-э, кандидатка? – с любопытством осведомился рю Мальвей. – Сможет ли подарить стране и мужу наследника?

– О, – алета Лазария отчего-то загадочно усмехнулась в платочек. – Нет никаких оснований сомневаться – да. По моей информации, ее высочество увлекается боевой магией, плаванием и стрельбой из лука, обладает отменным аппетитом и крепким телосложением.

Лорд Виттен искоса взглянул на свою собеседницу. Утреннее солнце запуталось в ее гладких волосах, а строгий наряд подчеркивал все достоинства ухоженного породистого лица. Даже морщинки в уголках глаз и упрямо сжатый рот свахи показались регенту весьма симпатичными – женщины с характером ему импонировали.

Злые языки при дворе утверждали, что барон рю Штольд повесился в уборной, не выдержав мужицкого характера своей половины. И осталась после него, как любили говорить завистники, только добрая память да пустая казна. Любая другая вдовица, подумалось лорду Виттену, пошла бы в приживалки или содержанки, а эта, гляди-ка, не растерялась. Регент задумчиво потер подбородок.

– А характер? – заставляя себя сосредоточиться на деле, продолжил он наконец расспросы. – Достаточно ли она умна и тверда духом? Принца нужно держать в ежовых рукавицах! Шаг в сторону – скандал! Два – отлучение от королевского ложа! Три – лишение денег на мелкие расходы!

Улыбка алеты Лазарии была холодной и торжествующей.

– Ее высочество командует личной гвардией, – прошелестела сваха, – и весьма успешно.

– Бедный Иллиан, – с притворной печалью вздохнул рю Мальвей и положил в тарелку Шишечки щепотку мелко потертого сыра.

– Отличная у вас крыса, – как бы невзначай заметила на это алета Лазария. – Люблю дордонских длинношерстных. Не в пример многим так называемым личностям они умеют молчать и слушать.

– Совершенно с вами согласен! Шишечка – прекрасный собеседник! – от всей души согласился регент и, сделав безразличное лицо, спросил: – А есть ли у нашей принцессы приданое?

Королевская сваха аккуратно отложила в сторону салфетку и поманила рю Мальвею к себе. Он заинтересованно подался вперед и даже забыл возмутиться, когда женщина с некоторой фамильярностью положила ладонь ему на плечо. Теплое дыхание защекотало ухо лорда Виттена. Несколько секунд регент наслаждался моментом, а потом вслушался, нако-

нец, в то, что говорила ему дама рю Штольд. В глазах его мигот потемнело – названная сумма была совершенно немыслимой.

– Сколько?! – забыв о манерах, воскликнул он, и Шишечка заполошно скакнула за кофейник, решив, что хозяин изволит сердиться. – Не может быть!

– Ручаюсь своей репутацией! – поклялась алета Лазария. – Муж нашей избранницы озолотится. В буквальном смысле этого слова.

– Но где же подвох? – в сердцах всплеснул руками рю Мальвей. – Эта принцесса знатна, богата, талантлива, здорова и никто еще ее не сосватал! Такого не бывает! Я чую ловушку!

Женщина вздохнула, поджала губы и погладила крысу Шишечку пальцем по голове. Вид у нее был торжественный, и регент насторожился.

– Вы правы, – после нескольких секунд выразительного молчания согласилась сваха. – Как я уже упоминала, принцесса ужасна. Я хочу сказать, в прямом смысле этого слова.

И алета Лазария ловким движением вытащила из-за пояса перевязанный лентой свиток. Рю Мальвей, наплевав на приличия, торопливо развернул пергамент – и замер. Это был портрет, и рисовал его художник, явно не лишенный таланта. Но если бы госпожа сваха не утверждала, что перед ним – изображение реально существующей девицы, лорд Виттен решил бы, что, помимо художественных способностей, мастер обладает еще и излишне буйным воображением.

– Это что, – произнес он слабым голосом, рассматривая рисунок, – рога?

– Они самые, – кивнула алета Лазария.

– И зубы, – сглотнул регент, – то есть, м-м-м, клыки. Они...

– Великоваты, – дипломатично подсказала ему сваха.

– Да. И цвет лица какой-то... насыщенный, – в ужасе заметил лорд.

– Черный нынче в моде, – с заслуживающим восхищения тактом прокомментировала дама рю Штольд.

– Невозможно, – наконец опомнился представитель правящего дома рю Мальвей. – Косоглазие или прыщи, заячья губа, заикание, хромота... мало что смутило бы меня в будущей родственнице. Я даже обрадовался бы некоторым несовершенствам во внешности принцессы – вышел бы славный урок Иллиану! Но здесь проблема иного толка! Это же не принцесса, а чудовище!

Алета Лазария неторопливо налила себе кофию, сделала глоточек и довольно зажмурилась. Несколько долгих мгновений на балконе царила тишина, которую изредка нарушал веселый щебет птиц и шепот ветра.

– Вы слишком категоричны, – наконец промурлыкала она. – Почему же чудовище? Просто не совсем человек.

– И что это за соседнее королевство? Кого вы водите за нос? – продолжил возмущаться лорд Виттен. – У нас на границах такого не водится! На западе – сто княжеств Дордона, на востоке – Сумра, на севере – земля Норстаг, а на юге пустыня!

– Именно! Вы сразу все поняли! Мили и мили неосвоенных территорий, – вкрадчиво согласилась сваха. – Солнце, песок, магия, потенциальные союзники и одна пока еще незамужняя принцесса – одним словом, безграничные возможности!

Регент решительно покачал головой, всем своим видом выражая твердое несогласие с подобным взглядом на проблему.

– Такую королеву здесь не примут, – не терпящим возражений тоном заявил он. – Это политическое самоубийство!

– Историю, – шелковым голосом проворковала дама рю Штольд, – пишут те, кто не боится риска. Вы пригласили меня, чтобы я нашла для вашего племянника жену, способную его перевоспитать, и вот она перед вами. Не отступайте перед проблемами, лорд-регент! Ваше имя останется в веках!

– Нет-нет-нет, – рю Мальвей отодвинул от себя тарелку, сгреб в охапку крысу Шишечку и поднялся из-за стола. – Ни за что. Я против. Этот вариант нам не подходит, и вам меня не переубедить!

Алета Лазария приятно улынулась ему вслед.

* * *

Через несколько недель лорд-регент и кабинет министров после тайных и очень, очень жарких дебатов единогласно одобрили кандидатуру Чудовища – то есть ифритты Тамуны, дочери пустынного шаха Харрана – на роль жены престолонаследника. Увесистые доводы в виде богатого приданого, военных соглашений и монополии на торговлю специями крайне помогли советникам изменить свой взгляд на прекрасное.

– И вовсе она не уродлива, – резюмировал итоги совещания министр финансов. – Даже, я сказал бы, наоборот! Посмотрите, как застенчиво выглядывают ее клыки из-под верхней губы. Сразу видно – аристократка!

– Вот именно, – поддержал своего коллегу министр тайных дел. – У принца родятся красивые зубастые дети, а всем известно, что зубастость – необходимое для хорошего правителя качество.

– И эти милые рожки! – не постеснялся высказать свое мнение по вопросу министр культуры. – Дева произведет фурор. Я уверен, что рога скоро войдут при дворе в моду!

– По моему мнению, они из нее и не выходили, – язвительно завершил обсуждение лорд-регент и смачно поставил печать на «Постановлении о скоропостижной женитьбе сиятельнейшего из смертных, властителя душ и умов народных, его высочества принца Иллиана Торона Алесандра рю Мальвея».

Судьба наследника была решена.

* * *

– Иллиан, мальчик мой, – заявил вскоре регент, пригласив племянника к себе в покои, – хочу сообщить тебе великолепную новость. Возрадуйся – ты женишься!

На встречу эту рю Мальвей захватил и алету Лазарию. Не то чтобы ему требовалась моральная поддержка, нет. В конце концов, это был миг его триумфа – ради того, чтобы поставить зарвавшегося принца на место, лорд Виттен и затеял весь этот переполох. Но регент рассудил, что Королевской Свахе будет очень даже полезно познакомиться с самим женихом – женщиной она была опытной, много повидавшей и наверняка сумела бы предугадать и задушить на корню любые попытки мальчика сорвать брак.

Услышав дядю, принц по-совиному захлопал глазами. Рю Мальвей не зря так долго выжидал и таился – у паскудника не было ни малейшего шанса вырваться из капкана.

Было бы преуменьшением сказать, что неожиданная новость ошеломила его высочество. Принц выглядел, как речная рыбка ерш, которую из воды вытащили прямиком на палящее солнце. Рот его беззвучно открывался и закрывался, глаза выпучились.

– О чем вы, дядя? – испуганно спросил он, уцепившись за ручки своего кресла. Никто не смог бы сейчас назвать Иллиана баловнем фортуны. – Вы шутите?

Рю Мальвей помолчал, выдерживая паузу, а потом расплылся в довольной улыбке. Впервые он чувствовал себя настоящим злодеем.

– Пришло время послужить своей стране и отечеству, – добрым голосом прожурчал регент и похлопал вжавшегося в кресло племянника по плечу. – Твоя будущая жена уже едет к тебе, и мы готовим бал! Ты же любишь балы, не правда ли? Я и мой хомячок – очень!

Принц вскочил на ноги. Лицо юноши мигом сравнялось цветом с его же щеголеватым зеленым камзолом.

– Но как? – возопил наследник. – Почему? Я не хочу жениться! Я еще так молод! Ты не имеешь права, дядя!

Рю Мальвей пожал плечами. До совершеннолетия подопечный находился в полной власти опекуна, и принцу прекрасно было это известно. «Отмстил, – наслаждаясь своей победой, думал регент, – воистину отмстил!»

– Как будущий король, – отозвался он на крики принца, – ты должен нести ответственность за свои поступки. То, что ты чего-то не хочешь делать, не значит, что ты этого не делаешь. Ибо надо, Иллиан, – ради страны, ради народа!

– Это из-за алеты Тории? – догадался юноша, и его большие оленьи глаза гневно засверкали. – Я же сказал, что извинюсь!

– Поздно, – отрезал регент.

В кабинете повисла тяжелая, неприятная тишина – даже Шишечка зарылась носом в свою подушку, предпочитая не привлекать к себе ненужного внимания. Принц был растерян и разгневан, но сейчас это рю Мальвея совершенно не беспокоило. Ни слезы, ни мольбы не могли спасти мальчишку от неизбежного: с каждым днем кортеж ифритты Тамуны неумолимо приближался к границам королевства. «Твердая женская рука, – довольно сказал сам себе лорд Виттен, – да-да, именно это Иллиану и нужно».

Впрочем, сам Иллиан явно был с этим не согласен.

– Не буду жениться! – упрямо сказал он и топнул ногой.

– Будешь, – нахмурился регент. – Никуда не денешься.

– Убегу, – заявил наследник и сжал руки в кулаки. – Лучше скитания, чем неволя!

Лорд Виттен открыл было рот, чтобы сообщить наглецу, что он думает о таком истинно королевском способе решать проблемы, как из угла раздался тихий смешок. Алета Лазария неторопливо прикоснулась руками к своим волосам, аккуратно забранным в тяжелый узел, и снисходительно глянула на принца.

– Не стоит торопиться, ваше высочество, – произнесла женщина, убедившись, что дядя с племянником не отрывают от нее глаз. – Династический брак – обязанность каждого, в чьих венах течет королевская кровь. К чему же гнев?

Принц вздернул губу и склонил голову, рассматривая сваху. Рю Мальвей приподнял бровь – доводы рассудка, по мнению регента, успокоить его высочество никак не могли.

– Не знаю, кто вы, алета, – прошипел наконец принц, – но отвечу. Я желаю сам, в соответствии со своими вкусами и склонностями, найти себе супругу!

– Такими привилегиями, – мягко прошелестела алета Лазария, – облеченные властью люди не обладают. Уверяю, дядя отыскал для вас весьма достойную деву. Как и вы, она любит магию. У нее длинные волосы и очень красивые глаза.

Регент вспомнил, как выглядит выбранное им в жены племяннику существо, и покачал головой. Королевская сваха не произнесла ни единого слова лжи – но и правды не сказала. Впрочем, все эти уловки казались лорду Виттену бессмысленными: скрыть истинное лицо пустынной принцессы от Иллиана было невозможно.

– Покажите мне портрет, – будто читая мысли дядюшки, потребовал принц. – Немедленно!

Алета Лазария с деланным безразличием махнула ручкой в сторону изображения ифритты. Слуги водрузили его на невысокий мольберт и предусмотрительно прикрыли темной материей – среди замковых горничных уже прошел слух, что портрет проклят. Иллиан, не тратя времени на раздумья, подскочил к мольберту и потянул на себя ткань. Шурша, покрывало соскользнуло на пол, и его высочество впервые увидел свою нареченную.

Блестели клыки ее, такие яркие на фоне черной кожи, и длинные острые рога изогнутыми дугами спускались к скулам. Глаза ифритты, большие и раскосые, были полны высокомерия и гордыни, а широкие плечи бугрились совсем не женскими мускулами. Мастер, нарисовавший портрет, и впрямь обладал недюжинным талантом: казалось, еще секунда, и дева шагнет в королевский кабинет, поднимет копьё и...

– О демоны бездн! Лучше смерть! – придушенно простонал Иллиан, прежде такой самоуверенный, и по-девчачьи потерял сознание.

– Надеюсь, вы довольны, лорд рю Мальвей, – сухо произнесла королевская сваха и почесала крысе Шишечке животик.

– Проследите, чтобы у его высочества не было возможности покинуть замок до свадьбы, – проигнорировав ее, приказал вбежавшим в комнату слугам регент. – Не так страшна чертовка, как ее намалевали.

* * *

Ифритта Тамуна и ее свита прибыли в замок месяц спустя. Дева, как и предрекал министр культуры, произвела фурор. Была она облачена в доспех, сиявший на солнце, и ловко управляла боевой колесницей. Съехавшаяся на свадьбу знать из соседних королевств, замерев, наблюдала за тем, как принцесса, лихо покрикивая, осаживает коней. Назревал скандал.

– Эх, – играючи справившись с могучими, лоснящимися от пота жеребцами, прогудела принцесса, страшно коверкая незнакомые слова. – Тут хочу иметь мой амх-абар! Жениться приехать я!

Рю Мальвей бросил взгляд на бледного принца, по обеим сторонам которого стояли закованные в латы стражники. Восемь попыток побега, три заговора и весьма достоверная симуляция безумия – Иллиан старался избежать ненавистного брака любой ценой, и теперь лорд Виттен его почти понимал.

Невеста оправдала все самые плохие ожидания регента. Ища поддержки, он оглянулся на алету Лазарию, которая стояла за его спиной и безмятежно улыбалась.

– Вы думаете, что совершили ошибку? – понимающе прошептала дама рю Штольд.

– С точки зрения государственных интересов – нет, – отозвался регент. – И месть хоть куда. Но...

– Не переживайте, – неожиданно тепло сказала сваха. – Лично я думаю, что Иллиан и Тамуна просто созданы друг для друга.

Регент с сомнением глянул на жениха с невестой, которые в этот самый момент сверлили друг друга злыми и оценивающими взглядами. Губы ифритты кривились от презрения – принц был почти на полголовы ниже ее. Иллиан же прижимал к носу платочек и морщился – от его нареченной весьма ощутимо несло потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.